

Г. Енч, А. Ю. Недолужко, С. С. Скорвид

СЕРБОЛУЖИЦКИЙ ЯЗЫК¹

Наименование «серболужицкий язык» (по-серболужицки *serbšćina*) объединяет два названия, бытующие и по отдельности: верхнелужицкий язык (*hornjoserbšćina*, *hornjoserbska rěč*) и нижнелужицкий язык (*dolnoserbšćina*, *dolnoserbska rěč*). Эта двойственность связана с существованием точки зрения, согласно которой можно говорить о двух изначально самостоятельных серболужицких языках (Х. Шустер-Шевц); в противоположность ей некоторые исследователи высказывают мнение о наличии единого, хотя в диалектном отношении дифференцированного серболужицкого языкового пространства, в котором исторически сложились два разных литературных языка: верхне- и нижнелужицкий (Г. Фаска и др.).

Верхнелужицкий язык функционирует на территории Верхней Лужицы с центром в г. Будишин (Бауцен). Численность населения, говорящего по-верхнелужицки, по данным 1991 г., составляет около 55 тыс. чел.; в активном употреблении этот язык удерживается в первую очередь в католической области Верхней Лужицы к западу от Будишина. В верхнелужицком ареале насчитываются четыре диалекта: будишинский; католический, распространенный в католических приходах между Будишином и Каменцем; близкий католическому куловский, распространенный в окрестностях Кулова (Виттихенау); пушчанский – диалект деревни Вохозы (Нохтен).

Территория нижнелужицкого языка – окрестности г. Хошебуз (Котбус) в Нижней Лужице. Лиц, владеющих нижнелужицким языком, насчитывается здесь не более 8 тыс. чел., из них только для 3 тыс., преимущественно старше 70 лет, он является родным. Среди нижнелужицких диалектов выделяются: хошебузский; северо-западный – в районе населенных пунктов Борковы, Смогорьёв и Прявоз (Бург-Шпревальд, Шмогров, Феров); диалект окрестностей Ветошова (Фетшау); северо-восточный – вокруг населенного пункта Пицнё (Пейц); диалект окрестностей населенного пункта Гродк (Шпремберг) и говор деревни Рогов (Хорно) со специфическими чертами, отличающими его от остальных нижнелужицких диалектов.

Существуют также говоры, переходные между верхне- и нижнелужицкими. Они представлены в окрестностях населенных пунктов Мужаков (Мускау), Слепо (Шлейфе), Спрейца (Шпреевиц), Заброд (Забродт), Блюнь (Блюно), Войерецы (Хойерсверда), Кошины (Гросскошен), а также Злы Коморов (Зенфтенберг).

Формирование серболужицкого языкового сообщества: праславянские предпосылки и важнейшие периоды дописьменной истории

Развиваясь из племенных диалектов северо-западных славян, живших на землях Верхней и Нижней Лужиц, язык лужицких сербов воспринял значительное количество

¹ Вклад авторов в написание настоящей статьи распределяется следующим образом: глава «Формирование серболужицкого языкового сообщества...» принадлежит С. С. Скорвиду, глава «Из истории серболужицких литературных языков» – Г. Енчу, глава «Краткий очерк грамматики...» – А. Ю. Недолужко; общая редакция С. С. Скорвида.

старых, праславянского происхождения, диалектных особенностей. Из них одни – общезападнославянские, обособляющие весь этот массив от восточного и южного либо, вместе с восточным, только от южного, другие объединяют верхне- и нижнелужицкие диалекты с прочими северо-западными (так наз. лехитскими), третьи, наоборот, с юго-западными (чешскими и словацкими). В то же время по отдельным чертам говоры славянского населения Верхней и Нижней Лужиц сами были несходны: вдоль границы между этими территориями проходят изоглоссы нескольких древних диалектных различий, ставших платформой для последующей дифференциации верхне- и нижнелужицкого языковых комплексов.

Из фонетических особенностей праславянского происхождения серболужицкий язык демонстрирует в первую очередь следующие:

1. Общезападнославянские черты:

- сохранение сочетаний **tl*, **dl*, в большей части южно- и восточнославянских диалектов переживших утрату начального взрывного компонента (в.-л. *pletl*, *šidlo*; н.-л. *platl*, *šydlo* ~ чеш. *pletl*, *šidlo*; пол. *plótl*, *szydło*, но болг., рус. *плел*, *шило*);
- изменение **x* по 2-й и 3-й палатализации в **š*, а не в **s*, как в южно- и восточнославянских диалектах (в.-л. *šěry*, *wšak/ol*; н.-л. *šery*, *wšak* ~ чеш. *šery*, *však*; пол. *szary*, *wszak*, но с.-х. *sep/cujep*, *сваки*; рус. *серый*, *всякий*);
- отсутствие 2-й палатализации задненебных согласных в сочетаниях **kv*, **gv* при их изменении в южно- и восточнославянских диалектах (в.-л. *kwět*, *hwězda*; н.-л. *kwět*, *hwězda* ~ чеш. *květ*, *hvězda*; пол. *kwiat*, *gwiazda*, но болг. *цвят*, *звезда*; рус. *цвет*, *звезда*);
- отсутствие так наз. эпентетического *l* после губных согласных на месте их давних сочетаний с **j* (внутри слова на стыке морфем) при наличии такого *l* в восточных и в западной части южных диалектов (в.-л., н.-л. *zemja* ~ чеш. *země*, пол. *ziemia*, но с.-х. *земља*, рус. *земля*; ср., однако, в.-л., н.-л. *blido* ‘стол’ ~ рус. *блюдо*);
- изменение сочетаний **tj*, **kt* перед **i*, **e*, **ь* и **dj* в *c’* и *dz’* (с дальнейшим изменением последнего в *z* в серболужицком, как и в чешском), в отличие от шипящих рефлексов этих групп в большей части южно- и восточнославянских диалектов (в.-л. *swěca*, *nóc*, *tjeza*; н.-л. *swěca*, *noc*, *tjaza* ~ чеш. *svíce*, *noc*, *meze*; пол. *świeca*, *noc*, *miedza*, но болг. *свещ*, *нощ*, *межда*; с.-х. *свећа/свијећа*, *ноћ*, *међа*; рус. *свеча*, *ночь*, *межа*);
- изменение начальных сочетаний **or-*, **ol-* перед согласными в *ro-*, *lo-* в морфемах, которые не несли на себе постоянного ударения (в другом же случае – в *ra-*, *la-*), как и в восточных диалектах, в отличие от южных с их единообразными независимо от ударения рефлексами *ra-*, *la-* (в.-л. *runy*, *lochć*, н.-л. *rownu*, *lokś* ~ чеш. *rovný*, *loket*; пол. *równy*, *lokcieć*; рус. *ровный*, *локоть*, но болг. *равен*, *лакът*; с.-х. *раван*, *лакват*).

2. Черты, объединяющие серболужицкие диалекты с лехитскими, в отличие от чешских и словацких:

- изменение сочетаний **or-*, **ol-*, **er-*, **el-* между согласными в *-ro-*, *-lo-*, *-re-*, *-le-* в отличие от *-ra-*, *-la-*, *-rě-*, *-lě-* в чешском, словацком и южнославянских диалектах (в.-л., н.-л. *wrota*, *zloto*, в.-л. *brjóh*, *mloko*, н.-л. *brjog*, *mloko* [с позднейшим изменением *e > o*] ~ пол. *wrota*, *zloto*, *brzeg*, *mleko*; ср. чеш., словац. *wrata*, *zlato*, чеш. *břeh*, *mléko*, словац. *breh*, *mlieko*; болг., с.-х. *врата*, *злато*, болг. *бряг*, *мякло*, с.-х. *брег/бријег*, *млеко/млијекко*; рус. *ворота*, *золото*, *берег*, *молоко*);
- изменения сочетаний **-ьr-*, **-ьr-* и **-ьl-*, **-ьl-* между согласными, подобные лехитским, особенно в нижнелужицком (в.-л., н.-л. *wjerba*, *wjelk*, в.-л. *morchej*, *horšč*, *połny*, *tolc*, н.-л. *marchweј*, *gјarsć* [*< -er-*], *połny*, *tluc* ~ пол. *wierzba*, *wilk*, *marchew*, *garść*, *pełny*, *tluc*; ср. чеш. *vrba*, *mrkev*, *hrst*, *vlk*, *plný*, *tlouci*; с.-х. *врба*, *мрква*, *грст*, *вук*, *пун*, *тући*; рус. *верба*, *морковь*, *горсть*, *волк*, *полный*, *толочь*).

3. Черты, объединяющие серболужицкие диалекты с чешскими и словацкими, в отличие от лехитских:

- средне-верхняя гласная **ě* на месте «ять» (в.-л. *wětr*, н.-л. *wěts̥* ~ чеш. *vítr*, род. п. ед. ч. *větru*; словац. *vietor*, род. п. ед. ч. *vetra*, но пол. *wiatr*; ср. с.-х. *wetar/ewetar*, но болг. *вятър*; рус. *ветер*);

- развитие носовых гласных: **ǫ* > *u*; **ę* > *ā* > *ā* в верхнелужицком с последующим изменением *ā* > *a* / *e* и, возможно, **ę* > *ǣ* > *ě* / *e* в нижнелужицком (в.-л. н.-л. *muka* ~ чеш. *mouka*, словац. *múka*, но пол. *mąka*, рус. *мука*; в.-л. *mjaso*, *ćelo* [< -e], н.-л. *měso*, *šele* ~ чеш. *maso*, *tele*, словац. *mäso*, *teľa*, но пол. *mięso*, *cielę*; рус. *мясо*, диал. *теля* 'теленос')

Помимо результатов изменения сочетаний редуцированных **ь*, **ь* с плавными сонантами и носовой гласной **ę*, к старым чертам различия между верхне- и нижнелужицким диалектами относятся следующие:

- результаты изменения редуцированных **ь*, **ь* в так наз. сильной позиции – в верхнелужицком соответственно *e*, *o* (с последующими искажениями этого соотношения из-за позиционной мены *o* > *e* перед мягкими и *e* > *o* перед твердыми согласными), в нижнелужицком одинаково *e* (в.-л. *pjeńk*, *woš*, н.-л. *pjeń/k*, *weš* ~ словац. *peň*, *voš*, чеш. *peň*, *veš*, пол. *pień*, *wesz*; рус. *пень*, *вошь*);

- возникновение в верхнелужицком парной к передней *ě* (из «ять») непременной средне-верхней гласной *ó*² и интерпретация обеих как долгих соответствий пары *e* – *o* в позициях продления этих кратких гласных, в частности:

- в сочетаниях *-ro-*, *-lo-*, *-re-*, *-le-* из **-or-*, **-ol-*, **-er-*, **-el-* между согласными в морфемах, которые прежде **a**. несли на себе постоянное ударение (преимущественно староакутовое) либо **b**. были постоянно предударными (ср. **a**. в.-л. *dróha*, *blóto*, *brěza*, *mlěc*, но н.-л. *droga*, *bloto*, *brjaza*, *mlaś* [*a* < *e*] ~ чеш. *dráha*, *bláto*, *břıza*, *mlít* с долгими гласными; пол. *droga*, *bloto*, *brzoza* [*o* < *e*], *mlęc*; рус. *дорога*, *болото*, *береза*, *молот*; **b**. в.-л. *brózda*, но н.-л. *brozda* ~ чеш. *brázda* с долготой и пол. *brózda* с отражением старого продления; рус. *борозда*);

- в морфемах, которые оказались в закрытых слогах после исчезновения так наз. слабых **ь*, **ь* в следующем слоге, при одинаковых в большинстве случаев рефлексах давнего сдвига ударения с **ь*, **ь* (нового акута) и заместительного удлинения гласной после усечения слога со слабым **ь* или **ь* (в.-л. *jěž*, *pěc*, *lód*, /*na/ród*, *Bóh*, но н.-л. *jež*, *pjac* [*a* < *e*], *lod*, /*na/rod*, *Bog* ~ чеш. *ježek* [< **ježьkь*], *pec*, *led*, /*ná/rod*, *Bůh*; пол. *jeź*, *piec*, *lód*, /*na/ród*, *Bóg*; рус. *еж*, *печь*, *лед*, /*на/род*, *Бог*);

- изменение **g* в верхнелужицком во фрикативную *h*, как в чешском и словацком, при сохранении в нижнелужицком взрывной *g*, как в польском (в.-л. *huba*, н.-л. *guba*, ср. рус. губа').

С точки зрения просодии анализ серболужицких языковых данных делает возможной реконструкцию постепенного становления фиксированного ударения на раннем этапе развития западнославянских языков. В целом в серболужицкой области ударение закрепилось за первым слогом слова или тактовой группы (как правило, предложно-падежного сочетания), как в чешском и словацком языках, но в некоторых говорах, в первую очередь нижнелужицких, ударение может падать на предпоследний слог, как в польском.

Морфологических диалектизмов праславянского происхождения в серболужицком можно назвать немного. В основном это явления, объединяющие все западнославянские диалекты с восточными и отделяющие те и другие от южных, например:

² В литературном нижнелужицком языке та же графема обозначает (вновь после перерыва, длившегося с 1952 по начало 2006 г.) вариант /o/, появляющийся – без какой-либо связи со старой долготой гласных – в ударном слоге после твердых губных и заднебных согласных не перед губными и заднебными и реализующийся как [y] или [ε], см. ниже «Краткий очерк грамматики...», разделы «Графика» и «Фонологическая система».

• флексия *-ě в формах род. п. ед. ч. и им.–вин. п. мн. ч. имен и местоимений *ja-склонения, как и вин. п. мн. ч. имен и местоимений м. р. *jo-склонения, в отличие от *-e на юге, ср. в.-л. *lža* ‘ложь’ – *bjez lžě*, н.-л. *ldža* – *bžez ldže* (но ст.-сл. **ЛЪЖА** – **БЕЖ ЛЪЖА**); форма род. п. ед. ч. местоимения 3 лица ж. р. в в.-л. и н.-л. имеет вид *jeje* ‘ее’ (~ ст.-сл. **ЕЯ**), откуда и окончание одноименных форм всех адъективных слов *-eje*;

• флексия *-e в формах им. п. ед. ч. м. р. кратких действительных причастий настоящего времени (деепричастий) от глаголов с основой на *-e/-o в отличие от *-y на юге, ср. в.-л. *njeso* ‘неся’, но ст.-сл. **НЕСЫ**.

Возможно, еще позднеславянские корни имела также такая особенность системы глагола, наблюдающаяся исключительно в пределах западнославянского ареала, как обобщение окончаний форм аориста и имперфекта, ср. в.-л. 1 л. ед. ч. /*při/njesech*, 2–3 л. дв. ч. *-eštaj* // *-eštej*, 2 л. мн. ч. *-ešće*, 3 л. мн. ч. *-echu*, н.-л. /*při/njasech*, *-eštej*, *-ešćo*, *-echu* (аналогично в древнечешском и в древнепольском языках), но ст.-сл. аорист /**ПРИ/НЕСОУХЪ**, **-ОСТА**, **-ОСТЕ**, **-ОША**, имперфект **НЕСЪАХЪ**, **-ЪАШЕТА**, **-ЪАШЕТЕ**, **-ЪАХЪ** (аналогично в древнерусском).

Формирование других ярких черт своеобразия верхне- и нижнелужицкого пространства на разных уровнях языковой системы происходило приблизительно с XII–XIII по XVI в.

В сфере исторической фонетики основная тенденция развития была в этот период связана с известным ослаблением вокализма, вершину чего являла собой утрата количественных различий между гласными, и с усилением консонантного характера языка, что проявилось особенно в активных процессах в области твердости / мягкости согласных.

Парные мягкие взрывные *t', d'* получили шипящий призвук и изменились в аффрикаты – мягкие *ć, dž*. В верхнелужицком они сохранились, причем первая фонетически совпала с исконной аффрикатой *č*, а в нижнелужицком (не в положении после согласных) затем пережили утрату взрывного компонента и изменились во фрикативные мягкие шипящие *š, ž*; при этом в нижнелужицком – в отличие от верхнелужицкого – старые шипящие *š, ž* отвердели, а аффриката *č* совпала с отвердевшей же свистящей *c*. Примеры: в.-л. *čisćić* [č'isć'ič'], н.-л. *cysćis* ‘чистить’; в.-л. *ćišina*, н.-л. *šišyna* ‘тишина’; в.-л. *džeń*, н.-л. *žeń* ‘день’ и т.д.

Во фрикативные же шипящие, очевидно, через дрожаще-шипящую *ř*, которая возникла и осталась в чешском языке, переходила и дрожащая согласная *r* в сочетаниях с предшествующими *p, t, k*. В верхнелужицком это коснулось только мягкой *r'*; при этом после *p, k* ее заменой является мягкая *ř*, а в сочетании с *t* в результате ассимиляции реализуется либо *č*, либо – позиционно – мягкая *c'*. В нижнелужицком подобный процесс протекал в сочетаниях *p, t, k* и с мягкой *r'*, и с твердой *r*; его результатами явились соответственно мягкая *š* и твердая *š*. Примеры: в.-л. *přaza* [př'aza] ‘пряжа’, *křidlo* [kš'idlo] ‘крыло’, *třasć* [č'asč'] ‘трясти’, *třeleć* [c'ěleč'] ‘стрелять’; н.-л. *pšęza*, *kšidlo*, *tšęsc*, *sšęlas* при *pšawda* ‘правда’, *kšej* ‘кровь’, *tšubiš* ‘трубить’.

Старые парные мягкие свистящие *s', z'* (как и непарная *c'*) отвердели, в связи с чем после них гласные *i, ě* в нижнелужицком изменились в *y, e*, а в верхнелужицком оба в *y*, например: в.-л. н.-л. *syła* ‘сила’, *zuma* ‘зима’; в.-л. *syno*, н.-л. *seno* ‘сено’, в.-л. *zywać*, н.-л. *zewaś* ‘зевать’.

Напротив, твердые заднеязычные согласные в сочетании с *y* получали смягчение, что сопровождалось заменой этой гласной на *i*. В верхнелужицком данный процесс пережили все три заднеязычных согласных, в нижнелужицком – только *k, g*. Примеры: в.-л. н.-л. *kisały* ‘кислый’; в.-л. *hinuć*, н.-л. *ginuś* ‘гибнуть’; в.-л. *duchi*, но н.-л. *duchu* ‘духи’ (им. п. мн. ч.); особо в.-л. *chětry* ‘быстрый, прыткий’ (ср. *хитрый*), *chěža* ‘дом’ (ср. *хижина*), но н.-л. *chytšy*, *chųža*.

С развитием твердости / мягкости согласных в серболужицком языковом пространстве была сопряжена также целая серия других переходов передних гласных в непередние и обратно, которые совершались не одновременно, порой имели многоступенчатое и все в большей степени территориально дифференцированное действие, в частности:

- $e > o$ перед исконно твердыми согласными после старых мягких, особенно шипящих, и неравномерно в верхне- и нижнелужицком после «полумягких» с отвердением s , z и спорадически других согласных, в том числе для e в сочетаниях, возникших из $*-er-$, $*-el-$, и иногда в словах с e из $*b$; ср. в.-л., н.-л. *žona* ‘жена, женщина’, в.-л. *sotra* ‘сестра’, *wjesoły* ‘веселый, радостный’, *jězor* ‘озеро’, *šopły* ‘горячий, теплый’, *mloko* ‘молоко’, *črono* ‘черенок’, *kozol* ‘козел’ ~ н.-л. *sotša*, *wjasoły*, *jazoro*, *šopły*, *mloko*, *crjono*, *kózol*, а также *šcodry* ‘щедрый’, *šota* ‘тетка’, *šcogno* ‘бедро’, *crjowo* ‘кишка, чрево’ (в.-л. *šćedry*, *ćeta*, *šćehno*, *črjewo*), но в.-л. *kotol* ‘котел’, *pos* ‘собака, пес’ (с твердыми согласными!) ~ н.-л. *kóšel*, *pjas* (с изменением $e > a$) и т.д.;

- $e > o$ в конце слова, неравномерно в верхне- и нижнелужицкой области; ср. в.-л. *wodnjo* ‘днем’ (< $*o$ *dbne*), *polo* ‘поле’, *zbožo* ‘счастье’ – н.-л. *wódnjo*, *pólo*, *zbóžo* ‘скот’, но в.-л. *žiwjenje*, н.-л. *žywjenje* ‘жизнь’ и т.п., в.-л. *džěčo* ~ н.-л. *žiše* ‘дитя’, 3 л. ед. ч. н. в. глагола *быть* в.-л. *je* ~ н.-л. *jo* ‘есть’ и т.п.;

- $o > e$ перед мягкими согласными, преимущественно в верхнелужицком, ср. в.-л. *dejić* ‘доить’, *tepić* ‘топить’, *zerja* ‘заря’, *sel* ‘соль’, но н.-л. *dojš*, *topiš*, *zorja*, *sol*; особо в.-л. и н.-л. (из в.-л.?) *derje* < $*dobre$ ‘хорошо’, в.-л. *telki* < $*tolik-$ ‘столький’ ~ н.-л. *teliki* (как *wjeliki* ‘большой?’);

- $e > a$ в первую очередь в нижнелужицком перед твердым согласным там, где по той либо иной причине прежде не наступило изменение $e > o$, включая позицию перед вторично отвердевшими согласными, в том числе часто для e из $*b$; ср. н.-л. *mjataš* ‘метать’ и *mjasć* ‘мести’, */pó/mjatlo* ‘помело, метла’, *wjaslo* ‘весло’, *wjatki* ‘ветхий’, *njaborje* (// *-tko*) ‘бедняжка’, *wlac* ‘волочить’, *wjacor* ‘вечер’, *lažaš* ‘лежать’, *wjas* // *-ka* ‘деревня’, *lan* ‘лен’, *sčazka* ‘тропинка, стежка’, *šamny* ‘темный’, *lažki* ‘легкий’ ~ в.-л. *mjetać*, *mjesć*, *mjetlo*, *wjeslo*, *wjetki*, *njebožatko*, *wlec*, *wječor*, *ležec*, *wjes* (// *-ka*), *len*, *ščežka*, *čěmny*, *lochki*; особо н.-л. *jesotr* ~ в.-л. *jasotr* ‘осетр’, н.-л. и в.-л. *law* ‘лев’;

- $a > e$ между мягкими согласными в верхнелужицком – многоступенчатый процесс, который завершился, охватив a любого происхождения, приблизительно в конце XVII в., ср. в.-л. *swjaty* ‘святой’ (< $*sveť-$), но *swjećić* ‘святить’, ‘праздновать’, *swjedžen* ‘праздник’ (< $*sveť$ *дьнь*); *rjany* ‘хороший, красивый’, но нареч. *rjenje* (< $*redьn-$); *přečel* ‘друг, приятель’, *bojeć so* ‘бояться’ и т.д. ~ н.-л. *swěty* и *swěšiš*, *swěžen*; *ředny* и *řednje*; *psijašel*, *bójaš se*.

Из своеобразных явлений XVII–XVIII вв. в фонетике важно отметить также развитие в верхне- и нижнелужицком на месте твердой l звука такого же губно-губного качества, какое здесь с древних времен сохраняет и w (т.е. [ɥ]). Существуют и другие особенности, возникновение которых отражено в серболужицких письменных памятниках, например, изменение сочетания $wu-$ в начале слова в $wu-$: ср. в.-л. *wumjo* ‘вымя’, *wuć* ‘выть’, *wustać* ‘выстоять, выдержать’ (омонимично *wustać* ‘устать’), также *wulki* ‘большой’ (< $*velik-$), но *wysoki* ‘высокий’ ~ н.-л. *wumje*, *wuś*, *wustojaś*, *wusoki*, но *wjeliki*.

В сфере морфологии в серболужицком языковом пространстве протекали процессы перестройки словоизменительных типов; в системе глагола в верхнелужицком наступила утрата форм супина, удержавшихся в употреблении в нижнелужицком (ср. н.-л. *hyś spat* ‘идти спать’), а в нижнелужицких диалектах – форм простых прошедших времен (в современный литературный нижнелужицкий язык они были искусственно внедрены по аналогии с верхнелужицкими); у существительных мужского рода и согласуемых с ними слов в верхнелужицком получила развитие в рамках множественного и двойственного числа категория персональности, или личности, ср. в.-л. им. п. мн. ч. *Widžach*, *zo su tři*

mokri rybacy na brjoze sedźeli / вин. п. мн. ч. *Widźach třoch mokrych rybakow na brjoze sedźeć* ‘Я видел, что на берегу сидели три мокрых рыбака / ... сидящих на берегу троих мокрых рыбаков’, но ... *zo su tři mokre rybački na brjoze sedźeli* (/ устар. *sedźale*) / ... *tři mokre rybački na brjoze sedźeć* ‘... три мокрых зимородка / трех мокрых зимородков’; в сохраняющейся до современного периода общесерболужицкой категории двойственного числа в верхнелужицком у многих форм слов разных частей речи развился «сквозной» финальный показатель *-j*, ср. в.-л. *Na brjoze staj dwaj mokraj rybakaj / stej dwaj mokrej rybačkaj sedźaloj* ‘На берегу сидели два мокрых рыбака / зимородка’ и т.п.

Как ясно видно даже из краткого обзора основных процессов в истории серболужицкой языковой общности, во многом их реализация оказывалась различной в диалектах, причем, добавим, границы некоторых особенностей проходят внутри верхне- и нижнелужицкого диалектных комплексов. Целый ряд поздних языковых явлений уже находит отражение (впрочем, также далеко не единообразное) в письменных памятниках постепенно складывающихся на территории Верхней и Нижней Лужиц литературных языков.

Из истории серболужицких литературных языков

Современный серболужицкий язык имеет две литературные формы, которые в соответствии с их географической локализацией именуется литературными верхнелужицким и нижнелужицким языками. Обе эти формы имеют свою традицию, начиная примерно с 1500 г. От более раннего времени до нас не дошло ни одного письменного памятника на серболужицком языке, если не считать многочисленных собственных имен серболужицкого происхождения, которые известны из немецких источников. В качестве примеров названий населенных пунктов в давнем серболужицком языковом ареале, которые имеют древнелужицкие корни, можно привести *Zossen* (< **sosna*), *Gera* (< **gora*), *Belgern* (< **bēla gora*), *Chemnitz* (< **katěńsь*) и др.

Таким образом, в эпоху средневековья серболужицкий язык существовал лишь в устной форме. Это не означает, однако, что сфера функционирования серболужицкого языка ограничивалась исключительно крестьянским бытом. Уже в средние века, со времени принятия серболужичанами христианства, существовала серболужицкая церковная терминология, которая на протяжении столетий ширилась благодаря деятельности священнослужителей. Наследием этой эпохи в христианской терминологии являются, например, такие слова, как в.-л. *hrěch* ~ н.-л. *grěch* ‘грех’, в.-л. *spowědź* ~ н.-л. *spowjež* ‘исповедь’, в.-л. *jandžel* ~ н.-л. *janžel* ‘ангел’, в.-л. *póst* ~ н.-л. *spót* ‘пост’, в.-л. *(Boži) raj* ~ н.-л. *(Bóžy) raj* ‘рай’, в.-л. *křěćić* ~ н.-л. *kšćić* ‘крестить’. Они засвидетельствованы уже в самых ранних памятниках серболужицкой письменности после 1500 г.

Появление первых значительных по объему текстов на серболужицком языке тесно связано с Реформацией. Лютеранское вероучение требовало отправления богослужебных обрядов на родном языке паствы. В связи с этим должны были быть переведены прежде всего Библия, «Малый Катехизис» и другие используемые лютеранской евангелической церковью тексты. Первые переводы осуществлялись главным образом для личных нужд самих переводчиков-священнослужителей в их церковных приходах, и язык их был близок местным диалектам. Так как они возникали в разных областях и их диалектная основа заметным образом отличалась, письменный серболужицкий язык в этих текстах предстает в весьма разнообразных вариантах.

Спустя некоторое время после появления евангелических церковных текстов стала развиваться литература на серболужицком языке, предназначенная для католического духовенства. В связи с развернувшейся тогда Контрреформацией его представители старались знакомить верующих с христианским учением на их родном языке.

Если не считать «Будишинской присяги», возникшей между 1500 и 1532 гг., и фрагмента «Вендской книги записей о крещении» 1543 г., старейшим памятником серболужицкого языка является перевод Нового Завета, выполненный священником **Миклавшем Якубицей** в 1548 г. Якубица был священником в деревне Любаницы, ныне находящейся на территории Польши. Он перевел Новый Завет на распространенный тогда в его приходе восточнолужицкий диалект. Ныне вымерший, этот диалект имел многие черты, сближающие его с польским языком. Перевод Якубицы остался в ту пору в рукописи (научное его издание было осуществлено лишь в XX в.).

Приблизительно в то же время в Нижней Лужице возникла так называемая Вольфенбюттельская Псалтирь. Для этого перевода, относящегося ко второй половине XVI в., характерны западно-нижнелужицкие диалектные черты.

Диалект, распространенный на территории к востоку от Хошебуза, лег в основу «Малого Катехизиса» и «Собрания церковных песен», переведенных **Альбином Моллером**. Этот перевод, изданный в Будишине в 1574 г., стал первой нижнелужицкой печатной книгой. В Верхней Лужице аналогичной евангелической церковной книгой явился «Малый Катехизис» **Венцеслава Варихия** 1595 г. В языковом отношении он отличается типичными чертами будишинского диалекта. Начало традиции католической письменности в Верхней Лужице положил **Юрий Хавштын Светлик**, священник в Радворе близ Будишина, а позже настоятель собора в Будишине, который в период между 1688–1707 гг. перевел с латинского языка на верхнелужицкий всю Библию. Диалектной основой его перевода, который до сих пор ждет публикации, был говор окрестностей деревни Кулов близ Войерец.

Значительную часть этих и других памятников серболужицкой письменности составляют тексты, территориально относящиеся к тем областям, где по-славянски уже очень давно никто не говорит. По этим текстам можно судить, в каких местах столетия тому назад звучала серболужицкая речь.

Начиная с рубежа XVII–XVIII вв., различавшиеся многими диалектными чертами церковно-письменные разновидности языка постепенно перерастали в особые литературно-языковые образования. Особенностью этого процесса в Лужице было то, что здесь возникли два литературных языка: верхнелужицкий в Верхней Лужице на основе будишинского диалекта и нижнелужицкий в Нижней Лужице на основе хошебузского диалекта. Тот факт, что как тогда, так и позже оба эти языка развивались не слишком интенсивно, объясняется особенностями истории серболужичан.

Серболужицкий язык никогда не функционировал в качестве государственного. В тех феодальных землях, где проживало серболужицкое население, официальным языком был немецкий, а серболужицкий оставался лишь языком бытового общения. В этих обстоятельствах не было необходимости создавать единое средство коммуникации, тем более что население, говорящее по-серболужицки, было территориально разобщено. Поскольку в течение XVII–XVIII вв. сложились два очага серболужицкой культуры, маркграфство Верхняя Лужица с центром в Будишине и бранденбургский анклав с центром в Хошебузе, соответственно развились два литературных языка.

Начало этому процессу положили почти одновременно вышедшие переводы Нового Завета. В 1706 г. Михал Френцель, священник в деревне Будестецы к югу от Будишина, издал первый верхнелужицкий перевод этой части Библии. Три года спустя **Богумил (Готтлиб) Фабриций**, служивший священником в деревне Корень близ Хошебуза, а позже в местечке Пицнё, выпустил в свет нижнелужицкий перевод Евангелия. Для

развития верхнелужицкого литературного языка исключительно важное значение имело издание в 1728 г. полного текста Библии, переведенного четырьмя лютеранскими священниками. Оно заложило языковые основы евангелической письменности последующего периода. В католической же среде развитие особой письменной традиции предопределили переводы Юрия Хавштына Светлика.

В переводах начала XVIII в. отчетливо проявляются наиболее характерные различия между верхнелужицким и нижнелужицким литературными языками, как и между обоими диалектными ареалами: фонетические (например, в.-л. *Bóh* ~ н.-л. *Bog* 'Бог', в.-л. *čisty* ~ н.-л. *cystu* 'чистый', в.-л. *džělać* ~ н.-л. *žělaś* 'работать'), морфологические (например, им.-вин. п. дв. ч. в.-л. *dwaj wozaj* ~ н.-л. *dwa wóza* 'два воза') и многочисленные лексические. Ср. в особенности: в.-л. *holca* ~ н.-л. *žowčo* 'девочка, девушка', в.-л. *kwaw* ~ н.-л. *swajžba* 'свадьба', в.-л. *čěsla* ~ н.-л. *twarc* 'плотник', в.-л. *štom* ~ н.-л. *bom* 'дерево', в.-л. *skót* ~ н.-л. *zbožo / dobytk* 'скот', в.-л. *zbožo* ~ н.-л. *gluka* 'счастье, удача' и др.

Хотя верхнелужицкий литературный язык в целом обнаруживает единство, в его рамках развились два конфессиональных варианта. В памятниках евангелического происхождения представлен несколько иной узус, чем в католических. Следует отметить, что серболужицкая католическая письменность была распространена на ограниченной территории Верхней Лужицы к северо-западу от Будишина, где проживало католическое серболужицкое население. Если Светлик опирался на значительно отличавшийся от евангелического будишинского диалекта свой родной куловский говор, то во второй половине XVIII в. продолжатели дела Светлика (в частности, **Ян Юрий Проккоп Ханчка** и **Михал Ян Валда**) избрали основой письменного языка диалект деревни Кросчицы и ее окрестностей, который был ближе к евангелической письменной традиции.

Языковые различия между двумя конфессиональными вариантами верхнелужицкого языка были относительно немногочисленными и касались в основном графики и правописания и лишь до некоторой степени – грамматики и словарного состава. Типичные лексические различия представляют, например, еванг. *wjećenje* ~ катол. *racha* 'отмщение', еванг. *šlachta* ~ катол. *splaw* 'род', еванг. *eksempł* ~ катол. *přikład* 'пример, притча', еванг. *skladnosc* ~ катол. *přiležnosc* 'случай'.

Указанные примеры демонстрируют одновременно важную особенность старых серболужицких литературных языков, как верхне-, так и нижнелужицкого. Такие слова, как *racha*, *šlachta*, *eksempł*, представляют собой прямые либо опосредованные заимствования из немецкого. Подобными заимствованиями изобилуют давние серболужицкие письменные памятники, например: в.-л. *lazować* ~ н.-л. *lazowaś* 'читать', в.-л. *swyflować, cwoblować* ~ н.-л. *cwiblowaś* 'сомневаться', в.-л. *hnada* ~ н.-л. *gnada* 'милость', в.-л. *frejota* ~ н.-л. *fryjot(a)* 'свобода', в.-л. и н.-л. *kumšt* 'искусство'. Как следует из этих примеров, из немецкого языка брались прежде всего названия абстрактных понятий.

Непосредственное заимствование из немецкого языка, впрочем, представляло собой лишь один из путей влияния последнего на серболужицкий. В области лексики уже для XVIII – начала XIX вв. следует отметить весьма частые тогда разного рода кальки и гибридные сложные слова. К калькам в старых серболужицких литературных языках относятся такие, как в.-л. *radna khejža* ~ н.-л. *radowarska wjaža* 'ратуша' (< нем. Rathaus), в.-л. *brónjowwotpočink* ~ н.-л. *broński měr* 'перемирие' (< нем. Waffenruhe), в.-л. *znać wuknyć* 'по/знакомиться' (< нем. kennenlernen), в.-л. *nutřwidźić* 'понимать' (< нем. einsehen). В области гибридных сложных слов речь идет об образованиях, в которых первая часть заимствована из немецкого, тогда как в качестве второй выступает серболужицкое слово, например, в.-л. *hawpćměsto* 'столица' (< нем. Hauptstadt), *šulknižki* 'учебники' (< нем. Schulbuch), *hegenwola* 'своеволие' (< нем. Eigenwille).

Хотя влияние немецкого языка в первую очередь на ранних этапах развития серболужицких литературных языков не подлежит сомнению, оно не отразилось на славянском в целом характере серболужицкого, в системе которого прочно утвердилось исконное славянское лексическое наследие. Особенно большое количество собственно славянских слов наблюдается в тематических пластах, относящихся к традиционной крестьянской жизни, таких, как погода, времена года, растения и животные, ландшафт, народные обычаи, например: в.-л. и н.-л. *dešć* 'дождь', в.-л. *slónco* ~ н.-л. *slyńco* 'солнце', в.-л. и н.-л. *řepa* 'репа', *liška* 'лиса', в.-л. *kwas* ~ н.-л. *swajźba* 'свадьба'. Также значительная часть лексики, относящейся к церковной жизни, принадлежит к древнему общеславянскому словарному фонду, например, в.-л. и н.-л. *wěra* 'вера', в.-л. *hrěch* ~ н.-л. *grěch* 'грех' и др.

Для деятельности переводчиков имели существенное значение кодифицирующие литературный язык труды, то есть грамматики и словари серболужицкого языка, помогавшие переводчикам найти адекватное языковое средство. Старейшая грамматика нижнелужицкого (и вообще серболужицкого) языка, содержащая также указатель слов, была написана **Яном Хойнаном** в 1650 г.; она, однако, осталась в рукописи. В книге **Якуба Ксавера Тицина** «Principia Linguae Wendicae» («Основания вендского языка»), изданной в 1670 г. по-латыни, впервые была описана морфологическая система верхнелужицкого литературного языка. Эта книга стала авторитетным пособием прежде всего для католических верхнелужицких авторов. Среди верхнелужицких словарей выделяется латинский «Vocabularium Latino-Serbicum» («Латинско-серболужицкий словарь»), составленный Юрием Хавштыном Светликом и изданный в 1721 г. В то же время была напечатана важная для евангелического варианта верхнелужицкого языка «Серболужицкая грамматика» **Георга Маттеи**. Сведения о грамматической системе нижнелужицкого литературного языка XVIII в. сообщала изданная в 1761 г. «Нижнелужицкая вендская грамматика» **Иоганна Готтлиба Хауптманна**.

В XIX в. произошли серьезные изменения в первую очередь в верхнелужицком литературном языке. Еще в конце XVIII в. начался период общеславянского национального возрождения, когда и у лужицких сербов наблюдалось интенсивное развитие в области культуры, которое заметным образом изменило социолингвистическую ситуацию в Лужице. Ввиду того, что уже в более ранний период имел место подъем художественной, публицистической и научной литературы, перед литературным языком встали новые задачи. После 1840 г. происходит заметное обогащение словарного состава верхнелужицкого языка. Появляется множество новых слов, особенно в сфере политики, искусства и гуманитарных наук, а также в значительной степени в области техники, транспорта и естественных наук. К ним относятся, в частности, такие верхнелужицкие неологизмы, как *wustawa* 'конституция', *runoprawny* 'равноправный', *wukraj* 'заграница', *zdźělanosć* 'образование', *wjeselohra* 'комедия', *srjedźowěk* 'средневековье', *narodopis* 'этнография', *parolódź* 'пароход', *železnica* 'железная дорога', *kislik* 'кислород'.

Главные импульсы для национально-культурного серболужицкого движения исходили от соседних славянских народов, в первую очередь от чехов. Чешский служил примером и в языковом отношении. Как и для южных соседей, для серболужичан имело важное значение осознание собственных национальных и объединяющих все славянство традиций, проявившееся в основном в словарном составе литературного языка. Многочисленные лексические германизмы были изъяты из литературного языка и заменены заимствованиями из других славянских языков, а иногда и своими, исконно серболужицкими словами. Так, вместо в.-л. *lazować* 'читать', *kumšt* 'искусство', *swyflować / swoblować* 'сомневаться' появились синонимы *čitać*, *wumělstwo*, *dwělować*. Во многих случаях заменялись чисто славянскими образованиями или словосочетаниями

распространенные ранее заимствования или гибридные сложные слова, которые слишком явно выдавали свое немецкое происхождение. Например, вместо старого *radna khežža* ‘ратуша’ появилось слово *radnica*, вместо *hawptměsto* ‘столица’ – *hłowne město* или *stolica*, вместо *brónjowwotpočink* ‘перемирие’ – *přiměr*, вместо *hegenwola* ‘своеволие’ – *swojowola*, вместо *znać wuknyć* ‘познакомиться’ – *zeznać*, вместо *nutřwidzić* ‘понимать’ – *dowidžeć*.

При этом, как и в других европейских литературных языках XIX в. в серболужицком существовало и значительное количество интернационализмов, например, в.-л. и н.-л. *republika* ‘республика’, *psychologija* ‘психология’, *technika* ‘техника’, *telegram* ‘телеграмма’, в.-л. *telegraf(ěr)ować* ~ н.-л. *telegrafěrowaś* ‘телеграфировать’ и др. Тем самым серболужицкий включался в общий процесс языкового развития в капиталистической Европе.

Впрочем, словарный запас литературных серболужицких языков не достиг тогда такого уровня, как у большинстве других языков Европы. Лишь в отдельных сферах духовной жизни развилась письменность, имевшая в своем распоряжении адекватные выразительные средства. Для многих же других областей науки и культуры, например, для естественнонаучных трудов, была заложена лишь основа, включающая в себя базовую терминологию. Хотя предпринимались попытки создать – пусть даже ради относительно ограниченных практических потребностей – соответствующую систему терминов, они по большей части оставались на страницах словарей и редко находили практическое применение.

Представленное выше краткое описание литературно-языковой ситуации в XIX в. относится в первую очередь к верхнелужицкому языку. В Нижней Лужице национальное возрождение проявлялось в гораздо меньшей степени, поэтому в нижнелужицком литературном языке аналогичные языковые процессы происходили значительно менее интенсивно. Расширение лексического состава нижнелужицкого зачастую было обязано влиянию верхнелужицкого языка, ср. примеры *casopis* ‘журнал’ (в.-л. *časopis*), *dwórnišćo* ‘вокзал’, *brunica* ‘бурый уголь’ (аналогично в верхнелужицком). В отдельных случаях германизмы заменялись исконно нижнелужицкими словами или заимствованиями из верхнелужицкого языка, например, *štunda* ‘час’ на *góžina*, *elefant* ‘слон’ на *slon*, *numer* ‘номер’ на *cysło* и т.д. При этом наряду с новыми заменами частично продолжали употребляться и германизмы. Типичной чертой развития словарного состава нижнелужицкого литературного языка по сравнению с верхнелужицким было то, что нововведения здесь укоренялись на несколько десятков лет позднее.

В XX в. в основном сохранялись тенденции развития обоих литературных серболужицких языков, восходящие к XIX в. Серболужицкий язык на протяжении XX в. и вплоть до современного этапа постепенно адаптировался к условиям развития общества – разумеется, в той мере, в какой это отвечало нуждам коммуникации. Ограниченные возможности применения серболужицкого языка в обществе имели для него далеко идущие последствия. Это сдерживало развитие как языка в целом, так и обеих его литературных форм. По сравнению, например, с немецким или русским языками словарный состав серболужицкого заметно беднее. В серболужицком языке были и остаются гораздо менее широко представлены лишь определенные жанры письменности, например, тексты экономического характера, по естественным наукам или по технике. Этот феномен, впрочем, является вполне обычным для языков национальных меньшинств, к которым принадлежит и серболужицкий.

Формальные средства, расширяющие выразительные возможности современного серболужицкого языка, различны. При возникновении новообразований особенно широко используются кальки с немецкого языка. Такие образования часто включают в себя исконно славянские элементы, которые, однако, сочетаются в соответствии с

немецкой моделью. Подобные кальки стали весьма многочисленными в XX в., особенно после 1945 г. Например: в.-л. и н.-л. *produkcyjne drustwo* (сокращенно *prodrustwo*) ‘производственный кооператив’ (< нем. Produktionsgenossenschaft), в.-л. *pomnikoškit* ~ н.-л. *ščit pomnikow* ‘охрана памятников’ (< нем. Denkmalschutz), в.-л. *dželowobstaranska naprawa* ~ н.-л. *želowobstaranska napšawa* ‘трудоустройство’ (< нем. Arbeitsbeschaffungsmaßnahme), в.-л. и н.-л. *datowa banka* ‘база данных’ (< нем. Datenbank). Распространение этого способа словообразования напрямую связано с социолингвистическими обстоятельствами. Новые понятия усваиваются в подавляющем большинстве через посредство немецкого языка, причем их немецкие наименования выступают в качестве образца.

В противоположность калькам, прямые лексические заимствования из немецкого в современные серболужицкие литературные языки почти не проникают. Германизмы более ранних периодов ныне остаются принадлежностью диалектной речи.

Серболужицкие, как и другие современные литературные языки, воспринимает все новые и новые интернационализмы – впрочем, также, как правило, через немецкий. При том, что в самом немецком слова заимствуются напрямую из других языков, чаще всего из английского или французского, для серболужицкого немецкий неизменно выступает языком-посредником. Во всех случаях, когда то или иное лексическое заимствование явно обнаруживает английское или французское происхождение, серболужицкая огласовка находит немецкое соответствие. Например: в.-л. и н.-л. *aids* ‘СПИД’ < нем. Aids, *hotdog* ‘хот-дог’ < нем. Hotdog, *parkowanje* ‘парковка’ < нем. Parken, в.-л. *jeansy* ~ н.-л. *jeanse* < нем. Jeans, *komunikej* ‘коммунике’ < нем. (из фр.) *Kommuniqué*.

В других случаях, когда в немецком вместо интернационализма утвердилось собственное новообразование, серболужицкий большей частью так или иначе копирует последнее, ср. в.-л. *pućowanski wjednik* ‘путеводитель’ < нем. Reiseführer (но не guide), *wobrazowka* ‘экран, монитор’ < нем. Bildschirm (но не monitor), *(parlamentariske) sluchanje* < нем. (parlamentarische) Anhörung (но не hearing).

Несмотря на заметное влияние немецких моделей, серболужицкий также в области образования новых слов сохранил традиционные связи с другими славянскими языками. Особенно в период непосредственно после Второй мировой войны, когда возобновились тесные контакты лужицких сербов с соседними славянами, литературные серболужицкие языки восприняли много чешских и польских слов. При этом речь идет либо о прямых заимствованиях, либо о кальках. Те и другие ныне прочно укоренились в серболужицких литературных языках. Например: в.-л. *wulkowiki* ~ н.-л. *wjelkowiki* ‘(большая) ярмарка’ (< чеш. veletrh), в.-л. *strata* ‘потеря, утрата, убыток’ (< чеш. ztráta, пол. strata), в.-л. *wučbnica* ~ н.-л. *wucbnica* ‘учебник’ (< чеш. učebnice), в.-л. *prosta* ‘прямая’ (< пол. prosta [linia]), в.-л. *spěšnosmykanje* ~ н.-л. *spěšnošuflirowanje* ‘скоростной бег на коньках’ (< чеш. rychlobruslení), в.-л. и н.-л. *telewizija* ‘телевидение’ (< чеш. televize, пол. telewizja), *telewizor* ‘телевизор’ (< чеш. televizor, пол. telewizor).

Как показывают последние примеры, влияние соседних славянских языков на серболужицкий затрагивает также те лексемы, которые во всех этих языках являются иноязычными заимствованиями. Так, при возникновении наименований телевидения и телевизора решающее значение имел не немецкий язык, а чешский или польский, где представлена комбинация греческого и латинского корней с характерными для этих языков модификациями.

Влияние русского языка на литературные серболужицкие наблюдалось в период после 1945 г. Речь идет почти исключительно о словах, которые аналогичным образом употреблялись и в языках народов других социалистических стран и которые возникли или получили специфическое значение в СССР, например: *aktiw* ‘актив’, *kader* ‘кадр’,

kolektiw ‘коллектив’, *kombajn* ‘комбайн’, *kombinat* ‘комбинат’, (*mlody*) *pioněr* ‘(юный) пионер’.

Хотя у лужицких сербов развились два литературных языка, довольно значительно отличающихся друг от друга, между ними существует немало сходств, которые обособляют их от остальных славянских языков. Целый ряд давних явлений встречается только в серболужицком, причем как в обоих литературных языках, так и во всех диалектах. Одна из ярких таких черт в области лексики – это наименование понятия ‘сердце’: в.-л. *wutroba*, н.-л. *wuśoba*. В остальных славянских языках слова, восходящие к тому же корню **otrob(a)*, имеют иные значения; напротив, лексема, обозначающая это понятие у других славян (рус. *сердце*, чеш. *srdce* и т.д.), серболужицким литературным языкам и диалектам неизвестна.

Существует также множество примеров специальных лексем нового и новейшего времени, которые в верхне- и нижнелужицком литературных языках совпадают (иногда различаясь только фонетически), тогда как их соответствия в других славянских языках звучат иначе: в.-л. *zarjadnistwo* ~ н.-л. *zarědnistwo* ‘управление’, в.-л. *zežiwidla* ~ н.-л. *zežuwidla* ‘продукты питания’, в.-л. *wobdźělic so* ~ н.-л. *wobźělis se* ‘принять участие’, в.-л. и н.-л. *milina* ‘электричество’, *tankownja* ‘бензоколонка’, *parkowanišćo* ‘автостоянка’ и др.

Как правило, нижнелужицкие наименования следуют верхнелужицкой модели. Однако имеются и обратные случаи: так, некоторые неологизмы XIX в. в верхнелужицком литературном языке возникли по нижнелужицкому образцу, например, в.-л. *wosypicy* ‘корь’ < н.-л. *wóspice*, в.-л. *smorkawa* ‘насморк’ < н.-л. *smarkawa*, в.-л. *ścékły* ‘бешеный’ < н.-л. *śćakły* и др.

После 1945 г. сфера употребления обоих серболужицких литературных языков по сравнению с состоянием до 1937 г. значительно расширилась. Серболужицкий язык начал применяться в преподавании – в области, где он до этого не использовался; он стал рабочим языком в государственных культурных, научных учреждениях и в общественных организациях; вообще немецко-серболужицкое двуязычие в Лужице было возведено в ранг государственного принципа. Это способствовало в первую очередь развитию лексики и стилистических возможностей серболужицкого языка. При этом, конечно, условия существования серболужицкого в сравнении с немецким и другими крупными литературными языками остаются ограниченными, и такое положение сохранится и в будущем.

Краткий очерк грамматики современного верхнелужицкого языка (с нижнелужицкими соответствиями)

Графика

Так как серболужицкая письменность возникла в XVI в. в тесной связи с Реформацией, естественно, что в ней изначально использовался немецкий алфавит с готическими начертаниями букв. Верхнелужицкий литературный язык с конца XVII до начала XIX в. имел две графические системы, протестантскую и католическую, близкие соответственно немецкой и чешской. В XIX в. была создана единая для католиков и протестантов диакритическая система графики и правописания на основе латинского алфавита. Это так наз. аналогическое правописание строилось по образцу других славянских языков, в первую очередь чешского и польского. В XX в. на эту систему окончательно перешел и нижнелужицкий литературный язык.

Современный верхнелужицкий алфавит включает 37 букв, из них девять с диакритическими знаками. Графемы *ě*, *ó* служат для обозначения специфических

гласных верхне-среднего подъема переднего и непереднего ряда; графемы *č*, *ć* обозначают фонетически мягкую шипящую /č'/, соответственно праславянского происхождения и из *t' (принцип написания этимологический); *ž* и *š* – фонетически мягкие шипящие /ž'/, /š'/; графема *ř* выступает только в сочетаниях *př*, *kř*, *tř*, в произношении соответственно [přʃ], [křʃ] и [třʃ] или [čʃ]; графема *ń* используется для обозначения мягкой /n'/; графема *l* (как и *w*) – неслоговой /ɥ/. Две буквы представляют собой лигатуры: *dž* для звонкой шипящей аффрикаты /dž'/ и *ch* для глухого заднебного спиранта /x/. Нижнелужицкий алфавит не графемы *ř* и включает дополнительно графемы *ř*, *ž* и *š*, обозначающие соответственно мягкую дрожащую и мягкие шипящие согласные (тогда как графемы *ž*, *š* обозначают отвердевшие шипящие). Графема *ó* в нижнелужицком используется для обозначения варианта /o/, выступающего в ударном слоге в позиции после твердых губных и заднебных согласных не перед губными и заднебными (см. ниже).

Фонологическая система

Г л а с н ы е

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
Верхний	i		u
Верхне-средний	ě		ó
Средний	e		o
Нижний		a	

Примечание: В нижнелужицком языке фонема /ó/ отсутствует.

Фонема /i/ реализуется как передний [i] после мягких и заднебных согласных (в верхнелужицком /k/, /g/, /x/, в нижнелужицком только /k/, /g/) и как средний [y] после твердых согласных, а в нижнелужицком и после заднебного /x/.

Фонема /e/ имеет два варианта: в верхнелужицком под ударением перед мягкими согласными, а в нижнелужицком между мягкими согласными и перед /j/ представлен узкий закрытый [e], после которого в верхнелужицком в некоторых случаях появляется вставной [j] (в.-л. *zemja* [zejm'a] // [zejmjja] 'земля', *knježić* [knejž'ič] 'господствовать', н.-л. *jelen* [jelen] 'олень', *sejžeš* [sejž'eš] 'сидеть'), в остальных же позициях – широкий открытый [ɛ] (в.-л. *wjedro* [ɥ'ɛdro] 'погода' и др.).

Фонема /ě/ реализуется в ударной позиции после мягких согласных как звук, средний между [e] и [i] (в.-л. *čekač* [č'ěkač] 'бежать', н.-л. *žělaš* [ž'ěɥaš] 'работать'); в верхнелужицком также как узкий [e] перед /j/ (*měc* [m'ěč] 'иметь', но повел. накл. *měj* [m'ej] 'имей'), в отдельных лексемах как [y] (*rěč* [rɥč] 'язык'), а при медленном темпе речи как дифтонг [ɛe] (*ně* [n'ɛe] 'нет'). В нижнелужицком дифтонгическое произношение /ě/ представлено иногда и в безударном слоге – в предложно-падежных сочетаниях типа *we jšpě* [ɥejš'p'ɛ] 'в комнате'. В остальном в безударном положении, нетипичном для этой фонемы, на месте /ě/ выступает широкий [ɛ] (*wuběrka* [wub'ɛrk] 'выбор', 'комитет').

Фонема /ó/ в верхнелужицком реализуется в ударной позиции в закрытом слоге как звук, средний между [o] и [u] (*bóh* [bó] 'Бог', *nós* [nós] 'нос'); в безударном положении, нетипичном для этой фонемы, на месте /ó/ выступает [o] (*njemóžu* [n'emožu] 'не могу').

Фонема /o/ в нижнелужицком имеет особый вариант: в ударном слоге после твердых губных /b/, /p/, /m/, /ɥ/ и заднебных /g/, /k/, /x/ не перед губными и заднебными она произносится перед /j/ как [e], а в остальном как открытый [ɛ] в центральных и как [y] в северо-восточных диалектах (*pólo* [pelo/pylo] 'поле', *góra* [gɛra/gyra] 'гора').

С о г л а с н ы е

По способу образования			По месту образования							
			Губные		Зубные и альвеолярные		Средне-небные	Задне-небные	Увулярные и ларингальные	
			тв.	мяг.	тв.	мяг.			тв.	мяг.
Шумные	Взрывные	гл.	p	p'	t			k		
		зв.	b	b'	d			g		
	Аффрикаты	гл.			c		č			
		зв.			(dz)		dž			
	Фрикативные (спиранты)	гл.	f		s		š	x		
		зв.	v		z		ž		h	
Сонорные	Носовые		m	m'	n	n'				
	Боковые				l					
	Дрожащие							R	R'	
Скользящие			ɥ	ɥ'			j			

Фонемы /f/, /v/ и в верхнелужицком /g/ встречаются только в заимствованных словах (*geofyzika* ‘геофизика’, *voltmeter* ‘вольтметр’). В верхнелужицком /dz/ – факультативная фонема, на месте которой в современном литературном языке чаще употребляется /z/. В нижнелужицком различаются твердые /č/, /dž/, /š/, /ž/ и мягкие /č', /dž', /š', /ž', а также существуют твердая и мягкая альвеолярные сонорные /r/ и /r' (под влиянием немецкого языка возникла также увулярная /R/, мягкое соответствие которой практически не реализуется).

Звонкие шумные согласные оглушаются в конце слова и в середине слова перед глухими согласными (в.-л. *dub* [dup] ‘дуб’, *susodka* [susotka] ‘соседка’, н.-л. *sněg* [sněk] ‘снег’). Перед звонкими шумными согласными внутри слова глухие шумные озвончаются (в.-л. *ličba* [l'ič'ba] ‘число’, н.-л. *licba* [l'ic'ba]). На стыке слов звонкие шумные согласные оглушаются и перед сонорными (в.-л. *had lěze* [hat l'ěze] ‘змея ползет’).

Фонема /x/ в верхне- и нижнелужицком реализуется как глухой твердый спирант внутри и в конце слова после гласных непереднего ряда (в.-л. *bachtać* [baxtač'] ‘крякать’, *brjuch* [br'uch] ‘живот’), а в нижнелужицком также в начале слова и после *ě* (*chto* [xto] ‘кто’, *chóž'is* [xojž'is] ‘ходить’, *wuspěch* [uspěx/^huspěx] ‘успех’). В верхнелужицком /x/ в начале слова произносится как [k^h] (*chlěb* [k^hl'ěp] ‘хлеб’), а в позиции после *i* и частично *e*, *ě* – в нижнелужицком только после *i*, *e* – как мягкий [x'] или [x^x] (в.-л., н.-л. *mnich* [mniç] ‘монах’, н.-л. *mech* [mex] ‘мешок’). Фонема /h/ в верхнелужицком реализуется как слабый спирант только в начале слова перед гласными. В нижнелужицком в начале слова перед гласными проявляется глухой протетический звук [h], который не произносится при быстром темпе речи.

Альвеолярная «средняя», или «европейская», сонорная /l/ в верхне- и нижнелужицком в положении перед гласными /i/, /e/, /ě/ представлена мягким вариантом [l'] (*list* [l'ist] ‘письмо’, *len* [l'en] ‘лен’, *lěto* [l'ěto] ‘год’).

Верхнелужицкие /s/, /z/ также имеют мягкие варианты, которые чаще выступают в заимствованных словах (*ekskursija* [ekskurs'ija] ‘экскурсия’, *fantazija* [fantaz'ija] ‘фантазия’). В других случаях мягкие [s'], [z'] могут трактоваться или как представители двухфонемных сочетаний /sj/, /zj/ (*swjatk* [s'atk] ‘праздник’, *zjawny* [z'awny]

‘общественный’, *zjewić* [z'eŭ'ič'] ‘обнаружить’), или как позиционные варианты соответствующих твердых согласных (*zhibować* [z'iboɔač'] ‘сгибать’).

В результате ассимиляции сочетаний /tš/, /tč/, /dš/, /dč/ появляется мягкий вариант фонемы /c/: в.-л. *třo* [c'o] ‘трое’, *tčec* [c'eč'] ‘торчать’, диал. *młódši* [móc'i] – сравнительная степень прилагательного *młody* ‘молодой’, *swědčić* [sŭ'eč'ič'] ‘свидетельствовать’.

Согласная /n/ перед задненебными согласными представлена позиционным вариантом [ŋ] (*klanka* [kla ka] ‘кукла’).

В литературных верхне- и нижнелужицком языках и в большинстве серболужицких диалектов представлено постоянное силовое **ударение**, закрепленное за первым слогом слова или тактовой группы (как правило, предложно-падежного сочетания): в.-л. *město* ‘город’, *'do města* ‘в город’, *'na wiki* ‘на рынок’, *'ke mni* ‘ко мне’.

Предлоги, оканчивающиеся на согласные, расширяются гласной -e-, если за ними следует слово, начинающееся с такой же или близкой по звучанию согласной либо нескольких согласных, и перетягивают на себя ударение: в.-л. *'ze šule* ‘из школы’, *'we wodže* ‘в воде’, *'we jstwě* ‘в комнате’, *'we mni* ‘во мне’. Односложные или расширенные гласной -e- предлоги в верхнелужицком регулярно перетягивают на себя ударение с односложных слов *stwa* ‘комната’, *wjes* ‘деревня’, *mša* ‘месса’, *ja* ‘я’, *wšón* ‘весь’, *što* ‘что’ (*'do wsy* ‘в деревню’, *'wote mnje* ‘от меня’). В остальных сочетаниях с односложными предлогами акцентируется либо предлог, либо следующее за ним слово (*'wot njeho* или *wot 'njeho* ‘от него’). В сочетаниях с многосложными предлогами ударение падает на каждый элемент отдельно (*'přećiwo 'wójnje* ‘против войны’).

Исключение в отношении места ударения составляют заимствования, в которых или сохраняется ударение языка-источника (*teo'rija* ‘теория’, *ad'resa* ‘адрес’), или оно переходит на третий от конца слог (*agi'tacija* ‘агитация’).

В тактовых группах, содержащих не менее трех слогов, наряду с главным факультативно реализуется также слабое побочное ударение, которое падает, как правило, на предпоследний слог (*'domo ,wina* ‘родина’).

Существенную роль в серболужицком языке играют **чередования** гласных и согласных.

Чередования гласных в верхнелужицком языке:

1) Переход *a > e* между мягкими согласными. Наблюдается как в составе основы (*rjad* ‘ряд’ – мест. п. ед. ч. *rjedže*; *čahnyć* ‘тянуть’ – 3 л. ед. ч. наст. вр. *čehnje*), так и в окончаниях (*aj* – при исходе основы на твердую, *ej* – на мягкую согласную: им. п. дв. ч. *dubaj* ‘два дуба’, но *tužej* ‘двое мужчин’). Из этого правила имеет ряд исключений (*jama* ‘яма’ – мест. п. ед. ч. *jamje* и др.).

2) Чередование *ó ~ o*: *lód* ‘лед’ – род. п. ед. ч. *lodu*; *hora* ‘гора’ – род. п. мн. ч. (*do*) *hór*.

3) Чередование *ě ~ e* у слов *měd* ‘мед’ – род. п. ед. ч. *mjeda*, *pěc* ‘печь’ – род. п. ед. ч. *pjesu* (аналогично в других формах).

4) Непродуктивное чередование так наз. беглых гласных *e, o* с нулем звука в словах *džeń* ‘день’ – род. п. ед. ч. *dnja*, *wjes* ‘деревня’ – род. п. ед. ч. *wsy*, *woheń* ‘огонь’ – род. п. ед. ч. *wohenja* / *wohnja*, *kozol* ‘козел’ – род. п. ед. ч. *kozola* / *kózla* и некоторых других. Это чередование представлено и в нижнелужицком, где оно также непродуктивно: *žeń* – *dnja*, *wjas* (< *wjes*) – *jsy*, *wogeń* – *wognja*, *kózol* – *kózola* / *kózla*. В остальных элементы с бывшими беглыми *e, o* либо окончательно их утратили (в.-л. *ptak* ‘птица’ – *ptačk* ‘птичка’ – род. п. ед. ч. *ptačka*), либо распространили на всю парадигму (в.-л. *Pawoł* ‘Павел’ – род. п. ед. ч. *Pawoła*). У некоторых слов сохраняются оба варианта с семантической дифференциацией (в.-л. *swjatk* ‘праздник’, *swjatok* ‘конец рабочего дня’).

Чередования согласных в верхнелужицком языке:

В словообразовательной системе наблюдаются чередования заднеязычных согласных со среднеязычными перед уменьшительными суффиксами (*ruka* ‘рука’ – *ručka* ‘ручка’), смягчение согласных перед суффиксом *-an* (*horjan* ‘горец’) и другие. Чередования типа *k ~ č* или *s ~ š*, а также типа *k ~ c* широко представлены в именном и глагольном словоизменении (*čłowjek* ‘человек’ – зват. форма *čłowječe*, *hólc* ‘мальчик’ – зват. форма *hólče*, *ruka* ‘рука’ – дат.-мест. п. ед. ч. *ruce*; *pjeki* ‘я пеку’ – *pječes* ‘ты печешь’, *móžu* ‘я могу’ – *móhl* ‘мог’, *wozuc* ‘возить’ – *wožu* ‘я вожу’). Кроме того, в определенных грамматических позициях происходят изменения парных твердых согласных в соответствующие мягкие (*kupa* ‘остров’ – мест. п. ед. ч. */na/ kupje*) и некоторые другие чередования. Основные различия между верхне- и нижнелужицким языками в области чередования согласных: *t ~ в.-л. ć*, н.-л. *ś*; *d ~ в.-л. dž*, н.-л. *ź* (*lěto* ‘год’ – мест. п. ед. ч. в.-л. *w lěće*, н.-л. *w lěše*; *blido* ‘стол’ – мест. п. ед. ч. в.-л. *na blidže*, н.-л. *na bliže*).

Морфологическая система

В серболужицкой грамматике традиционно выделяются следующие части речи: полнозначительные – имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, наречие, глагол; неполнозначительные – союз, предлог, частица; особый класс образуют междометия.

В сфере имен и местоимений находят выражение грамматические категории рода, числа, падежа, одушевленности, а в верхнелужицком языке также личности. Категории рода, одушевленности и личности (последние в пределах мужского рода) у существительных являются константными, или классификационными. У прилагательных и других согласуемых с существительными слов эти категории являются словоизменительными.

Категория **р о д а** в серболужицком, как и в других славянских языках, трехчленная: различаются мужской, женский и средний род, ср. в.-л. *luby přećel* ‘дорогой друг’ – *luba wowka* ‘любимая бабушка’ – *lube džěčo* ‘милое дитя’, *nowy dom* – *nowa chěža* ‘новый дом’ – *nowe twarjenje* ‘новое здание’.

О д у ш е в л е н н о с т ь выражается у существительных мужского рода, причем в верхнелужицком языке только в единственном числе. Морфологическим признаком этой категории является совпадение формы винительного падежа с формой родительного, а не именительного (кроме существительных типа *ćesla* ‘плотник’, которые изменяются частично по «женскому» типу): в.-л. *widžu wučerja / kocora* ‘я вижу учителя / кота’, но *widžu štom* ‘я вижу дерево’. Этот признак проявляется и синтаксически, у слов, согласующихся с одушевленными существительными, например, *widžu stareho wučerja / čorneho kocora* ‘я вижу старого учителя / черного кота’.

Категория **л и ч н о с т и** выражается только в верхнелужицком языке и реализуется в рамках мужского рода в двойственном и множественном числах, где у лично-мужских существительных и у согласующихся с ними слов форма винительного падежа также совпадает с формой родительного: *tam dweju bratrow / třoch bratrow* ‘у меня есть два брата / три брата’. В именительном падеже множественного числа лично-мужские существительные получают особые окончания: *nan* ‘отец’ – *nanojo*, *wojak* ‘солдат’ – *wojacy*, *měšćan* ‘горожанин’ – *měšćenjo*, *bur* ‘крестьянин’ – *burja*. Прилагательные и другие слова, выражающие согласованное определение, также имеют лично-мужские формы им. п. мн. ч. с окончаниями *-i/-u*, а в им. п. дв. ч. обычно именно при лично-мужских существительных выступают в формах с окончанием *-aj* после твердых

согласных (исключая *k*), ср. *swěрни přečeljo* ‘верные друзья’, *swěrnaj přečelej* ‘двое верных друзей’.

Категория числ у существительных, прилагательных и других согласуемых с существительными слов, а также у личных форм глагола является словоизменительной и выражается парадигматически, противопоставлением наборов окончаний единственного, двойственного и множественного чисел. Ср. в.-л. ед. ч. *Tón pilny hólca derje wuknje* ‘Этот прилежный мальчик хорошо учится’ – дв. ч. *Taj pilnaj hólcaj derje wuknjetaj* – мн. ч. *Ći pilni hólcy derje wuknu* ‘Эти прилежные мальчики хорошо учатся’.

У имен и местоимений выделяется шесть падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и местный. Два последних в серболужицком языке употребляются всегда с предлогами, ср. в.-л. примеры с тв. п.: *To je džensa kaž z husacym pjerom pisac* ‘Это в наши дни как писать гусиным пером’, *Wón bě z wučerjom w Budyšinje* ‘Он был учителем в Будишине’. Впрочем, в разговорном верхнелужицком языке предлог *w* перед существительными в местном падеже часто не реализуется, что создает эффект беспредложной конструкции (разг. *Budyšinje bydlić* ‘жить в Будишине’ и т.п.).

Кроме падежных, в верхнелужицком языке существительные мужского рода (а также существительное женского рода *mać* ‘мать’) в единственном числе имеют также особую звательную форму, например: *Ćesćeny knježe direktoro!* ‘Уважаемый господин директор!’, *Mój hólče!* ‘Мой мальчик!’, *Luba maći!* ‘Дорогая матушка!’

Образцы основных парадигм

Существительные

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
	Ед. число		
Им.	-Ø	-o	-a, -Ø
Род.	-a (-u)	-a	-y (-i) / -e
Дат.	-ej (-u)	-u	- ² e / -y / -i
Вин.	одуш. = род. п., неодуш. = им. п.	= им. п.	-u, -Ø
Твор.	-om		-u
Мест.	- ² e / -u		- ² e / -y / -i
Зват.	-o (-e)		(maći)
	Мн. число		
Им.	личн. -ojo, -y, - ² o, - ² a, неличн. -y (-i) / -e	-a	-y / -e
Род.	-ow (-i, -Ø)		
Дат.	-am		
Вин.	личн. = род. п., неличн. = им. п.	= им. п.	= им. п.
Твор.	-ami / -emi		
Мест.	-ach		
	Дв. число		
	М. р.	Ср. р., ж. р.	
Им.	-aj / -ej	-e / -y / -i	
Род.	-ow		
Дат.	-omaj		
Вин.	личн. = род. п., неличн. = им. п.	= им. п.	

Твор.	-омај
Мест.	-омај

Примечания:

Окончание *-u* в род. п. ед. ч. имеют некоторые односложные существительные муж. рода с основой на твердую согласную (*lud – ludu* ‘народ’, *sad – sadu* ‘фрукты’). В дат. п. существительные муж. рода могут иметь окончание *-u*, если они стоят после предлога *k/ke* (*k wobjedu* ‘к обеду’); обязательным это окончание является у слова *Bóh* ‘Бог’. Выбор между *’e* и *-u* в мест. п. ед. ч. существительных муж. рода зависит от исхода основы (после мягких, свистящих и задненебных согласных выступает *-u*, в остальных случаях – *-e* с соответствующими чередованиями (ср. *hat* ‘пруд’ – *w haće*). Звательная форма существительных муж. рода с основой на твердую согласную (кроме *-c*, *-z*, *-s*) может оканчиваться на *-e* (например *Jakubo/Jakubje*).

Нулевое окончание в им. и вин. п. ед. ч. имеют существительные ж. рода типа *myš* ‘мышь’. Существительные ж. рода с основой на твердую согласную имеют в род. п. ед. ч. окончание *-u* (после задненебных *-i*), на мягкую согласную – *’e* (*zemja* ‘страна’ – *zemje*). В дат. и мест. п. ед. ч. у существительных ж. рода и в им.-вин. п. дв. ч. ж. и ср. рода окончания распределяются в соответствии с исходом основы: *-i* после мягких согласных (*w zemi* ‘в стране’), *-u* после свистящих (*wo kozu* ‘о козе’), *’e* в остальных случаях (*žonje* ‘женщине’, *rice* ‘руке’).

Основное окончание лично-мужских форм им. п. мн. ч. – *-ojo*; существительные на *-c* и *-k* в составе суффикса имеют окончание *-u* (с изменением *-k* в *-c*), существительные с суффиксами *-ar/-er*, *-ćel* и *-an* – окончание *-’o* (с изменением *-an-* в *-en-*), отдельные другие существительные – окончание *-’a*. Окончания им. п. мн. ч. у нарицательных существительных муж. рода и существительных жен. рода и окончания твор. п. мн. ч. распределяются соответственно твердости/мягкости основы.

Особенности нижнелужицкого литературного языка:

В нижнелужицком языке отсутствуют зательная форма и категория личности. Одушевленность существительных муж. рода выражается в совпадении форм вин. п. ед. и дв. чисел с формами род. п. (*maty malego kócora* ‘у нас есть маленький котенок’, *som wizeł teju kónjowu* ‘я видел тех двух лошадей’). У неодушевленных существительных формы вин. п. совпадают с формами им. п. Во мн. числе формы вин. п. одушевленных существительных совпадают с формами род. п. только в том случае, если данное существительное стоит после числительного или личного местоимения в вин. п. (ср. *tam štyrjoch kónjow* ‘у меня есть четыре лошади’). В остальных случаях формы вин. п. совпадают с формами им. п. (*znaju twóje bratšy* ‘я знаю твоих братьев’).

Отличными от в.-л. являются окончания:

в дат. п. ед. ч. существительных муж. и ср. рода *-oju* (н.-л. *grodoju* ‘зámку’ ~ в.-л. *hrodej*);

в им. и вин. п. дв. ч. существительных муж. рода *-a* (н.-л. *dwa wóza* ‘два воза’ ~ в.-л. *dwaj wozaj*);

в дат., твор. и мест. п. дв. ч. *-oma* (н.-л. *z wózoma* ‘возами’ ~ в.-л. *z wozomaj*);

в род. п. дв. ч. *-owu*, не совпадающее с окончанием одноименной формы мн. ч. (*rěcowu* ‘двух языков’, но *rěcow* ‘языков /более двух/’).

Прилагательные

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
Ед. число			
Им.	-y / -i	-e	-a
Род.	-eho		-eje
Дат.	-emu		-ej
Вин.	одуш. = род. п., неодуш. = им. п.	= им. п.	-u
Твор.	-ym / -im		-ej
Мест.	-ym / -im		-ej
Мн. число			
Им.	личн. -i (-y), неличн. -e	-e	
Род.	-ych / -ich		
Дат.	-ym / -im		
Вин.	личн. = род. п., неличн. = им. п.	= им. п.	= им. п.
Твор.	-ymi / -imi		
Мест.	-ych / -ich		
Дв. число			
Им.	-aj / -ej	-ej	
Род.	-eju		
Дат.	-umaj / -imaj		
Вин.	личн. = род. п., неличн. = им. п.	= им. п.	= им. п.
Твор.	-umaj / -imaj		
Мест.	-umaj / -imaj		

Примечания:

Окончание *-i* в им. п. ед. ч. и окончания, начинающиеся с *-i*, в других формах имеют прилагательные с основой на мягкие и задненебные согласные.

Вариант окончания лично-мужской формы им. п. мн. ч. *-y* выступает после свистящих согласных *s* и *z*, в том числе там, где происходят чередования *k ~ c*, *h ~ z* (например, *wulki* 'большой' – *wulcy*, *nahí* 'голый' – *nazy*).

Варианты окончания им. п. дв. ч. *-aj/-ej* распределены следующим образом: первый выступает после твердых согласных (исключая *k*), как правило, при лично-мужских существительных, второй – в остальных случаях.

В нижнелужицком литературном языке отличными от верхнелужицкого являются окончания: род. п. ед. ч. муж. и ср. рода *-ego* (*dobrego* 'хорошего'); мест. п. ед. ч. муж. и ср. рода *-em* (*dobrem* 'хорошим'); дат., твор. и мест. п. дв. ч. *-uma* (*dobryma* 'хорошими').

К парадигме качественных прилагательных относятся также формы степеней сравнения: сравнительной и превосходной. Первые образуются при помощи суффиксов *-š-* или *-iš-*, вторые от первых – при помощи префикса *naj-* (*rjany* 'красивый' – *rjeńši* 'более красивый / красивее' – *najrjeńši* 'самый красивый', *mudry* 'умный' – *mudriši* 'более умный / умнее' – *najmudriši* 'самый умный'). Усилить превосходную степень может еще один префикс *na-*, часто в сочетании с частицей *hač* (*Běše hač napajětowša nóc* 'Была темная-претемная ночь'). У некоторых прилагательных формы степеней сравнения образуются от особых основ (*dobry* 'хороший' – *lěpši* 'лучше', *zły* 'плохой' – *hóřši* 'хуже',

wulki ‘большой’ – *wjetši* ‘больше, больший’, *mały* ‘маленький’ – *mjeńši* ‘меньше, меньший’, *dolhi* ‘долгий’, ‘длинный’ – *dlěši* ‘дольше’, ‘длиннее’. Формы степеней сравнения склоняются, как прилагательные с основой на мягкие согласные.

В серболужицком языке существуют и несогласуемые несклоняемые прилагательные. Кроме ряда прилагательных иноязычного происхождения, заимствованных из немецкого или через посредство немецкого (в.-л. разг. *fajn*, *prima* ‘отличный’, ‘замечательный’, *blond* ‘светлый’), это застывшие исконно серболужицкие прилагательные и примкнувшие к ним падежные формы или сочетания (в.-л. *njeboh* при склоняемом *njebohí* ‘покойный’, *гузу* ‘рыжий’, ‘чистый’, ‘истинный’, *bosy* ‘босой’ и ‘босиком’, образования типа *Vudyšan* ‘будишинский’, *načerwjeń* ‘красноватый’ и ‘красновато’, а также *rady* в конструкциях с личной формой глагола, имеющих значение ‘охотно делать/сделать что-л.’, и *něšto/někoho rady měć* ‘любить что-л./кого-л.’). Помимо того сюда относят образованные от прилагательных наречия, которые обозначают признак действия, состояния или другого признака (в.-л. *rjenje* ‘красиво’, *čežko* ‘тяжело’, ‘трудно’, *rjekowisce / rjekowski* ‘героически’). Качественные наречия образуют степени сравнения с помощью морфемы *-o*, которая присоединяется к основе соответствующей формы прилагательного (*rjeńšo* ‘красивее’ – *najrjeńšo* ‘красивее всего/всех’). У некоторых наречий формы степеней сравнения образуются иначе (в.-л. *derje* ‘хорошо’ – *lěpje* ‘лучше’, *zlě* ‘плохо’ – *hórje* ‘хуже’, *wjele* ‘много’ – *wjace* ‘больше’, *mało* ‘мало’ – *mjenje* ‘меньше’, *dolho* ‘долго’, ‘долго’ – *dlěje* ‘дольше’, ‘длиннее’).

Количественные числительные

	‘два’	‘три’	‘четыре’	‘пять’
Им.	м. р. <i>dwaj</i> , ср. р., ж. р. <i>dwě</i>	личн. <i>třo</i> , неличн. <i>tři</i>	личн. <i>štyrjo</i> , неличн. <i>štyri</i>	личн. <i>pjećo / pjeć</i> , неличн. <i>pjeć</i>
Род	<i>dweju</i>	<i>třoch</i>	<i>štyrjoch</i>	<i>pjećoch / pjeć</i>
Дат	<i>dwěmaj</i>	<i>třom</i>	<i>štyrjom</i>	<i>pjećom / pjeć</i>
Вин.	личн. = род. п., неличн. = им. п.			
Твор.	<i>dwěmaj</i>	<i>třomi</i>	<i>štyrjomi</i>	<i>pjećomi / pjeć</i>
Мест.	<i>dwěmaj</i>	<i>třoch</i>	<i>štyrjoch</i>	<i>pjećoch / pjeć</i>

Примечания:

Количественное числительное (и неопределенное местоимение) *jedyn* ‘один’ склоняется, как местоимение *tón* ‘этот/тот’.

По образцу *pjeć* ‘пять’ склоняются все количественные числительные вплоть до *džewjećadźewjećdzesat* ‘девяносто девять’. При этом в современном языке в сочетании с существительными чаще употребляются неизменяемые формы (за исключением лично-мужских форм им. и вин. п. типа *pjećo*, *pjećoch*), ср. в.-л. *Mać dyrbješe Krabata z dwanaće* (// *dwanaćoch*) *čornych ptačkow wunamakać* ‘Мать должна была найти Крабата среди двенадцати воронят’.

Порядковые числительные *prěni* ‘первый’, *druhi* ‘второй’, *třeći* ‘третий’ и т.д., а также собирательные типа *dwoje* ‘двое’ и видовые типа *dwoji* ‘двух видов’ склоняются, как прилагательные.

Особенности склонения количественных числительных в нижнелужицком литературном языке:

числительное *dwa* (м. р.), *dwě* (ср. р., ж. р.) в дат., твор. и мест. п. имеет форму *dwěta*; в вин. п. форма *dweju* употребляется с одушевленными существительными, *dwa* – с неодушевленными.

Личные местоимения

Падеж	1-е лицо			2-е лицо		
	Ед. число	Дв. число	Мн. число	Ед. число	Дв. число	Мн. число
Им.	ja	mój	my	ty	wój	wy
Род.	mje, (do) mnje	naju	nas	će, tebje	waju	was
Дат.	mi, (ke) mni	namaj	nam	ći, tebi	wamaj	wam
Вин.	mje, (za) mnje	naju	nas	će, tebje	waju	was
Твор.	(ze) mnu	(z) namaj	(z) nami	(z) tobu	(z) wamaj	(z) wami
Мест.	(wo) mni	(wo) namaj	(wo) nami / nas	(wo) tebi	(wo) wamaj	(wo) wami, was

Падеж	3-е лицо				
	Ед. число			Дв. число	Мн. число
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.		
Им.	wón	wone (wono)	wona	wonaj ⁴ , wonej ⁵	woni ⁴ , wone ⁵
Род.	jeho / njeho ¹		jeje / njeje	jeju / njeju	jich / nich
Дат.	jemu / njemu		jej / njej	jimaj / nimaj	jim / nim
Вин.	jeho / njeho ² , jón / njón ³	je (jo) / nje (njo)	ju / nju	jeju / njeju ⁴ , jej / njej ⁵	jich / nich ⁴ , je / nje ⁵
Твор.	(z) nim		(z) njej	(z) nimaj	(z) nimi
Мест.	(wo) nim		(wo) njej	(wo) nimaj	(wo) nich (nimi)

Примечания: 1) формы с *n-* употребляются после предлогов; 2) при отнесении к одушевленному существительным; 3) при отнесении к неодушевленным существительным; 4) при отнесении к лично-мужским существительным; 5) при отнесении к нелично-мужским существительным.

Возвратное местоимение *sebje* ‘себя’ склоняется аналогично местоимению 2-го лица ед. числа (в полных формах), но имеет краткие формы род.-вин. п. *so* и дат. п. *sej*.

В нижнелужицком литературном языке многие формы личных местоимений отличны от верхнелужицких:

местоимение 1-го лица ед. числа в дат. и вин. п. имеет краткую форму *mě*, в род., дат., вин. и мест. п. полную форму *mnjo*; местоимение 2-го лица ед. числа – в род., дат., вин. п. краткую форму *śi* и, в тех же падежах и мест., полную форму *tebje*; краткая форма возвратного местоимения – *se*;

местоимения 1-го и 2-го лица дв. числа имеют формы им. п. *mej*, *wej*, а в дат., твор. и мест. п. форму *nata*; *wata*; те же окончания в соответствующих формах дв. числа имеет местоимение 3-го лица;

у местоимений 1-го и 2-го мн. числа, а также у местоимения 3-го лица во мн. числе в мест. п. отсутствуют формы, совпадающие с формами твор. п.;

местоимение 3-го лица в им. п. ед. числа имеет формы м. р. *wón*, ж. р. *wóna* и ср. р. *wóno*, в вин. п. в.-л. формам м. р. *jón* / *njón* отвечают н.-л. *jen* / *njen*, в других падежах –

род., дат., мест., вин. ср. р. и одуш. муж. р. – в соответствии с в.-л. *je-* / *nje-* выступает начальное *jo-* / *njo-*: (род. п. *jogo* / *njogo* с н.-л. -g- и т.д.);

в дв. и мн. числе у местоимения 3-го лица не выражается категория личности (им. п. *wónej*, *wóni*), а формы вин. п., совпадающие с в.-л., различаются по одушевленности / неодушевленности.

Указательное местоимение *tón* ‘этот/тот’

Падеж	Ед. ч.			Дв. ч.	Мн. ч.
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.		
Им.	<i>tón</i>	<i>te (to)</i>	<i>ta</i>	<i>taj / tej</i>	<i>ći³</i> , <i>te⁴</i>
Род.	<i>toho</i>		<i>teje</i>	<i>teju</i>	<i>tych</i>
Дат.	<i>tomu</i>		<i>tej</i>	<i>tymaj</i>	<i>tym</i>
Вин.	<i>toho¹⁾</i> , <i>tón²⁾</i>	<i>te (to)</i>	<i>tu</i>	<i>teju³⁾</i> , <i>taj / tej⁴⁾</i>	<i>tych³⁾</i> , <i>te⁴⁾</i>
Твор.	<i>tym</i>		<i>tej</i>	<i>tymaj</i>	<i>tymi</i>
Мест.	<i>tym</i>		<i>tej</i>	<i>tymaj</i>	<i>tych</i>

Примечания: 1) при отнесении к одушевленным существительным; 2) при отнесении к неодушевленным существительным; 3) при отнесении к лично-мужским существительным; 4) при отнесении к нелично-мужским существительным.

Так же, как *tón*, склоняются специфицированные указательные местоимения *tutón*, *tutoho...* / разг. *tónle*, *tohole...* ‘этот (ближний)’, *tamón*, *tamnoho...* ‘тот (далекий)’, отрицательное *žadyn*, *žanoho...* ‘никакой’, ограничительное *sam*, *samoho...* ‘сам’, ‘один’, неопределенное местоимение-числительное *jedyn*, *jednoho...* ‘один’ и вопросительное *štó*, *koho...* (твор. и мест. п. *kim*) ‘кто’, как и его производные: отрицательное *nichtó* ‘никто’, неопределенные *něchtó* ‘кто-то’, *něštóžkuli* ‘кто-либо’ и относительное *štóž* ‘кто’. Соответствующие местоимения *što* ‘что’, *ničó* ‘ничего’, *něšto* ‘что-то’ и т.д. склоняются, как местоимение 3 лица ср. рода *wone* (у *što* вин. п. после предлогов принимает вид /*za*/ *čo*).

Основные отличия нижнелужицкого литературного языка: местоимение *ten*, *to*, *ta*, числительное-местоимение *jaden*, *jadno*, *jadna* и др. имеют в род. п. ед. ч. муж. и ср. рода окончание *-ogo*, в мест. п. ед. ч. муж. и ср. рода *-om*, в твор. п. ед. ч. жен. рода *-eji*; в им. п. дв. и мн. ч. выступают формы с окончаниями соответственно *-ej* и *-e*, а совпадение форм вин. п. дв. и мн. ч. с формами род. или им. п. выражает одушевленность / неодушевленность.

Для глагола в серболужицком языке из классификационных категорий важен прежде всего очень своеобразно реализующийся вид (совершенный или несовершенный). Словоизменительные грамматические глагольные категории – з а л о г (в традиционной грамматике действительный или страдательный) и, в системе личных форм, н а к л о н е н и е (изъявительное, повелительное и сослагательное), время, лицо и число.

Категория л и ц а в сфере глагола выражается в сопряжении с категорией ч и с л а окончаниями 1-го, 2-го и 3-го лица единственного, двойственного или множественного числа глагола, в том числе вспомогательного *być* ‘быть’ в аналитических формах. Указание на лицо и число, заключенное в глагольной форме, является в основном достаточным, так что личные местоимения обычно опускаются, ср.

в.-л. *Kotre cuze řeče wuknješ / sy wuknyl?* ‘Какие иностранные языки ты изучаешь / изучал?’ и т.п. При обращении на «вы» к одному лицу в верхнелужицком языке личная форма глагола выступает во множественном числе, а именные компоненты в составе аналитических форм – в единственном, причем род соответствует полу адресата, ср. *Wy sće była dobra hospoza* ‘Вы были хорошей хозяйкой’. (В нижнелужицком языке категории лица и числа выражаются аналогично, однако при вежливом обращении оба компонента аналитической глагольной формы всегда употребляются во множественном числе: *Sćo-li wšykno rozměli?* ‘Вы /один, двое, несколько/ всё поняли?’).

В рамках изъявительного наклонения реализуется категория времени. В верхнелужицком языке выделяется шесть времен: настоящее (презенс), будущее и прошедшие времена – перфект, синтетический претерит (в котором в принципе совпали исконные аорист и имперфект), плюсквампретерит и итеративный претерит. В нижнелужицком синтетические претеритные формы были вторично внедрены под влиянием верхнелужицкого только в литературный язык, в реальной же речевой практике и в диалектах они не представлены.

Формы презенса образуются синтетически. У глаголов несовершенного вида они в большинстве случаев обозначают действие, совершающееся в актуальном настоящем или постоянно, ср. в.-л. *Žona wari a muž nowinu čita* ‘Жена готовит, а муж читает газету’ (сейчас / всегда). Также у глаголов совершенного вида в верхнелужицком презенс иногда выражает значение неактуального настоящего, т. е. повторяющегося и при этом всякий раз законченного действия, ср. *Přeco sej ludžo něšto wumysla* ‘Люди вечно что-нибудь выдумают’, а в ряде особых, более редких случаев и актуального настоящего, напр.: *Z tutym wotewrju zhromadźiznu* ‘Тем самым я открываю (букв. открою) собрание’. В разговорном верхнелужицком языке презентные формы глаголов совершенного вида в значении актуального настоящего употребляются шире, например: *Wón runje wokno zasadži* ‘Он как раз вставляет (букв. вставит) окно’. Кроме того, презенс глаголов обоих видов может иметь значение действия в будущем, если это значение добавочно выражено лексическими средствами, ср. *Jutře susodźicy běrny zběraja* ‘Завтра соседи будут копать (букв. копают) картошку’, и действия в прошлом, в частности, непосредственно предшествующего моменту речи, например: *To je rjenje, zo was tu zetkam* ‘Хорошо, что я вас здесь встретил’.

Формы будущего времени образуются аналитически – с помощью личных форм будущего времени глагола *być* ‘быть’ и инфинитива смыслового глагола. В разговорном верхнелужицком языке аналитическое будущее время свободно образуется от глаголов не только несовершенного, но и совершенного вида (*budu nastawk napisać* ‘я напишу статью’), причем иногда личная форма может вообще отсутствовать (*ja to činić* ‘я это сделаю’), в литературном же языке такие формы кодифицированы только в случае наличия у них дополнительного модального значения намерения. Некоторые глаголы образуют формы будущего времени синтетически. К ним относятся *być* – *budu, budžeš...*, *měć* ‘иметь’ – *změju, změješ...* и глаголы направленного движения (*hić* ‘идти’ – *pónđu, pónďžeš...*, *njesć* ‘нести’ – *ponjesu, ponjeseš...*, аналогично *lězc* ‘лезть’, *wjezc* ‘везти’, *běžec* ‘бежать’, *čahnyć* ‘тянуть’ и т.д.).

Перфект образуется аналитически с помощью презентных форм глагола *być* и причастия на *-l-* смыслового глагола. Употребление перфекта является обязательным, когда время совершения действия предшествует времени описываемой ситуации, совпадающему с моментом речи (*Sym wam poprjancy sobu přinjesl* ‘Я вам пряников принес’). В остальном формы перфекта конкурируют с формами синтетического претерита (*To je snano před třiceći lětami bylo / To snano před třiceći lětami běše* ‘Это было лет тридцать назад’). Они могут также обозначать действие, которое завершится к

некоторому моменту в будущем (*Hdyž sy nadawk dopisał, jón wotedaj* ‘Когда допишешь задание, сдай его’).

Формы претерита (аорист и имперфект) в верхнелужицком языке образуются синтетически, принимая во 2-м и 3-м лице единственного числа окончания аориста у глаголов совершенного и имперфекта у глаголов несовершенного вида, например: *wróći* ‘(ты, он/она) вернул(а)’ – *wróćeše* ‘(ты, он/она) возвращал(а)’. Употребляются они при повествовании для обозначения действия в прошлом, время совершения которого совпадает с временем описываемой ситуации (*Hdyž k nim do dwora přińdzech, ležeše tam wulka hromada wuhla* ‘Когда я вошел к ним во двор, там лежала большая куча угля’). В разговорном верхнелужицком языке вместо синтетического претерита чаще используются формы перфекта.

Плюсквампретерит образуется аналитически с помощью претеритных форм глагола *być* (*běch, bě/běše...*) и причастия на *-l-* смыслового глагола и обозначает действие, совершившееся ранее другого действия в прошлом (*Wuwědomichmy sej, zo běchmy so wopak zadžerželi* ‘Мы поняли, что вели себя неправильно’).

Так наз. итеративный претерит, формы которого совпадают с формами сослагательного наклонения, сигнализирует повторяемость событий в прошлом (*Kóždu njedźelu by nan po kemšach na piwo šoł* ‘Каждое воскресенье отец после церкви заходил выпить пива’).

Образцы основных парадигм**Презенс**

Число	Лицо	<i>e</i> -спряжение: ņjesć ‘нести’	<i>i</i> -спряжение: chwalić ‘хвалить’	<i>a</i> -спряжение: dźělać ‘работать’
ед.	1	ņjes-u	chwal-u	dźěl-a-m
	2	ņjes-e-š	chwal-i-š	dźěl-a-š
	3	ņjes-e	chwal-i	dźěl-a
дв.	1	ņjes-e-moj	chwal-i-moj	dźěl-a-moj
	2-3	ņjes-e-taj / -tej	chwal-i-taj / -tej	dźěl-a-taj / -tej
мн.	1	ņjes-e-my	chwal-i-my	dźěl-a-my
	2	ņjes-e-će	chwal-i-će	dźěl-a-će
	3	ņjes-u / ņjes-e-ja	chwal-a	dźělaj-a

Примечания:

Формы 2 и 3 л. дв. ч. с окончанием *-taj* выступают большей частью как лично-мужские, в прочих случаях употребляются формы с окончанием *-tej*.

Некоторые глаголы не относятся к перечисленным трем классам и спрягаются особо. К ним относятся *jěść, jěm* ‘есть’, *wědžeć, wěm* ‘знать’, *směć, směm* ‘сметь’ и др.

В нижнелужицком языке отсутствует *e*-спряжение, но выделяются *o*-/*jo*-спряжение (*ņjasć, ņjasu/ņjasom, ņjasoš...* ‘нести’) и *j*-спряжение (*stojasš, stojm, stojš...* ‘стоять’).

От основы презенса образуются формы повелительного наклонения, или императива. При этом исходная форма 2-го лица единственного числа имеет нулевой показатель либо, после групп согласных, показатель *-i*. Варианты окончания 2 л. дв. ч. *-taj/-tej* распределяются так же, как в формах презенса.

Императив (*kirować* ‘покупать’, *wzać* ‘взять’)

Лицо	Ед. число	Дв. число	Мн. число
1	–	kupuj-moj, w(o)zmi-moj	kupuj-my, w(o)zmi-my
2	kupuj-Ø, w(o)zm-i	kupuj-taj / -tej, w(o)zmi-taj / -tej	kupuj-će, w(o)zmi-će

Претерит

Лицо	Несовершенный вид: <i>wuknyć</i> ‘изучать’			Совершенный вид: <i>nawuknyć</i> ‘изучить’		
	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1	wuknje-ch	wuknje-chmoј	wuknje-chmy	nawukny-ch	nawukny-chmoј	nawukny-chmy
2	wuknje-še	wuknje-štaj/ -šteј	wuknje-še	nawukny-Ø	nawukny-štaj/ -šteј	nawukny-še
3			wuknje-chu			nawukny-chu

Примечание: Формы 2 и 3 л. дв. ч. с окончанием *-štaj* выступают большей частью как лично-мужские, в прочих случаях употребляются формы с окончанием *-štej*.

Ф о р м ы г л а г о л а *buc* ‘ б ы т ь ’

Лицо	Презенс			Будущее время		
	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1	sym	smój	smy	budu	budžemoj	budžemy
2	sy	staj / stej	sće	budžeš	budžetaj / -tej	budžeće
3	je		su	budže		budu / budžeja
	Претерит			Формы, образующие итеративный претерит		
1	běch	běchmoj	běchmy	bych	bychmoj	bychmy
2	bě /	běštaj / -štej	běšće	by	byštaj / -štej	byšće
3	běše		běchu			bychu

Примечание: Формы 2 и 3 л. дв. ч. на *-taj*, *-štaj* выступают большей частью как лично-мужские, в прочих случаях употребляются формы на *-tej*, *-štej*.

Формы, выступающие в итеративном претерите, образуют также сослагательное наклонение, например: *Njeby-li ty mój bratr był, bych hinak z tobu řečał* ‘Не будь ты мой брат, я бы с тобой не так поговорил’. В разговорном верхнелужицком языке (а также в нижнелужицком) вспомогательный глагол *buc* в сослагательном наклонении утрачивает личные окончания, в результате чего все формы унифицируются (*ja by kopal* ‘я бы копал’, *ty by kopal* ‘ты бы копал’ и т.д.).

Формы от особой основы *bu-* с теми же окончаниями, какие выступают в сослагательном наклонении, служат в литературном верхнелужицком языке для образования форм страдательного залога, например: *Chěže buch (na)twarjene* ‘Дома строились / были построены’. В разговорном верхнелужицком языке (а также в нижнелужицком) такие формы отсутствуют, а страдательный залог выражается конструкциями с глаголом *wordować* (н.-л. *wordowaś*) ‘становиться’: в.-л. *Chěže wordowachu (na)twarjene* и т.п.

Переходную ступень между глаголом и прилагательными представляет система причастий, которые изменяются по родам, числам и падежам и синтаксически функционируют подобно другим адъективным словам, но сохраняют глагольные категории вида и залога, а также характеризуются сочетаемостью с наименованиями различных участников обозначаемого исходным глаголом действия или состояния (ср. *hólc pisa nanej list* ‘мальчик пишет письмо отцу’ → *nanej list pisacy hólc* ‘мальчик, пишущий отцу письмо’, букв. ‘отцу письмо пишущий мальчик’).

В системе деепричастий различаются формы настоящего времени на у глаголов несовершенного вида (*njeso* ‘ведя’, *mječo/mječicy* ‘метя’, *kopajo/kopajcy* ‘копая’) и формы прошедшего времени на у глаголов совершенного вида (*zamjetši* ‘подметя’, *rozkopawši* ‘раскопав’), обозначающие соответственно побочное действие, одновременное с основным и предшествующее ему. Из этих деепричастий в современном литературном верхнелужицком языке используются в книжном стиле большей частью формы на *-o* и на *-wši*. В разговорном верхнелужицком деепричастия отсутствуют; в нижнелужицком языке они также практически не представлены.

Помимо этого к системе глагола относятся инфинитив и отглагольные существительные с суффиксами *-nje/-će*, регулярно образуемые почти от каждого глагола и сохраняющие его вид, а иногда и возвратный компонент (например, *horjenje so* ‘вдохновение’, ‘энтузиазм’). В нижнелужицком языке после глаголов движения выступают также формы с у п и н а (*Žinsa wjacor póžomy rejowat* ‘Сегодня вечером мы пойдем танцевать’).

Основные сведения о синтаксисе

Для структуры простого предложения в серболужицком, в отличие от большинства остальных славянских языков, характерен следующий порядок основных компонентов: «подлежащее» – «дополнение» – «сказуемое», ср. в.-л. *Hanka wobjed wari* ‘Ганка готовит обед’ и т.п. При наличии в простом предложении составного сказуемого часто используется так наз. рамочная конструкция: вспомогательный глагол занимает второе место после подлежащего, а именная часть выносится в конец предложения, ср. *Jurij je wčera wo swojim dowolu w Italskej powědał* ‘Юрий вчера рассказывал о своем отпуске в Италии’.

Краткие формы возвратного и личных местоимений (в.-л. *tje, mi, će, ći, jón, je, ju, so, sej*), а также отдельные союзы и частицы (в.-л. *drje* ‘разве’, *pak* ‘же’, *wšak* ‘ведь’ и др.), как правило, занимают второе место в предложении: *Bóh će žohnuj!* ‘Благослови тебя Господь!’ и т.д. Форма возвратного местоимения *so* ‘-ся’ занимает в предложении либо второе место (тогда смысловый глагол выносится в конец предложения), либо позицию после смыслового глагола: *Ja so přez tón dar wjeselu / Ja wjeselu so přez tón dar* ‘Я рада этому подарку’.

Распространителями существительных в предложении являются согласованные и несогласованные определения, первые большей частью препозитивные (*ta moja wudata dźowka* ‘эта моя замужняя дочь’), вторые – постпозитивные (*dźowka mojeje sotry* ‘дочь моей сестры’). Препозитивное несогласованное определение часто выступает по аналогии с согласованным в конструкциях, выражающих принадлежность к семье (*Markec swójba* ‘семья Марковых’, *Kubašec Jan* ‘Ян Кубаш (из семьи Кубаш)’).

В сочетании с согласуемым определением, принимающим форму родительного падежа единственного числа, в верхнелужицком языке вступают и притяжательные прилагательные с суффиксами *-owu/-iny*, которые в современной грамматике выделяют как особую часть речи (посесивы), например: *mojeje sotřine dźěći* ‘дети моей сестры’, букв. ‘моей сестрины дети’; *knjeza wučerjowa kniha* ‘книга господина учителя’, букв. ‘господина учителя книга’. В верхнелужицких диалектах и в произведениях старой художественной литературы фиксируются также случаи, когда определение посесива присоединяется к посесиву не в родительном, а в согласованном с ними или неизменяемом именительном падеже, типа *moje nanowe koleso* ‘велосипед моего отца’, букв. ‘мой отцов велосипед’; *farar Šěrachowe pčoly* ‘пчелы священника Шераха’, букв. ‘священник-Шераховы пчелы’. Та же сочетаемость наблюдается у «семейно-посесивных» форм на *-ec/-ic*, ср. *kowar Měršec Wórša* ‘Ворша из семьи кузнеца Мерша’. Нижнелужицким диалектам подобные конструкции с посесивами, помимо типа *našogo nana bratšowe žiši* ‘дети брата нашего отца’, букв. ‘нашего отца братовы дети’, неизвестны.

Сложные предложения в серболужицком языке подразделяются на союзные и бессоюзные. Среди первых выделяются предложения сложносочиненные и сложноподчиненные. Показателями той или иной связи выступают соответствующие союзы: сочинительные (соединительные *a* ‘и’, *ani... ani...* ‘ни... ни...’, разделительные *abo* ‘или’, *pak – pak* ‘или... или...’, противительные *ale* ‘но’, *hač na* ‘кроме’ и т.д.) и

подчинительные (в.-л. *zo* ‘что’, *hdyž* ‘когда’, *jeli* ‘если’, *dokelž* ‘потому что’, *hačrunjež* ‘хотя’; н.-л. *až* ‘что’, *pšeto* ‘потому что’ и др.). Бессоюзные предложения по характеру смысловых отношений между частями могут быть аналогичны союзным, сложносочиненным или сложноподчиненным (ср. в.-л. *To wam prajić njemóžu, njewěm to* ‘Этого я не могу вам сказать, /потому что/ не знаю’). Косвенный вопрос вводится союзами в.-л. *hač*, н.-л. *lěc* ‘ли’ (ср. н.-л. *Pšašaj pšosym, lěc co wóna sobu hys* ‘Спроси ее, хочет ли она пойти с нами’).

ЛИТЕРАТУРА

- Верхнелужицко-русский словарь / Сост. К. К. Трофимович. Москва-Бауцен, 1974.
- Ермакова М. И. Очерк грамматики верхнелужицкого языка. Морфология. Москва, 1973.
- Ермакова М. И. Нижнелужицкое именное словоизменение. Имя существительное. Москва, 1979.
- Ермакова М. И., Недолужко А. Ю. Серболужицкий язык. // Языки мира. Славянские языки. Москва, 2005.
- Мудра И., Петр Я. Учебник верхнелужицкого языка. Bautzen, 1983.
- Селищев А.М. Лужицкие сербы (сербо-лужичане) // Славянское языкознание. Т. I – Западнославянские языки. М., 1941. С. 221-268.
- Трофимович К.К. Серболужицкий язык // Славянские языки. (Очерки западославянских и южнославянских языков). Москва, 1977. С. 170-215.
- Faßke H. Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie. Bautzen, 1981.
- Faska H. Pućnik po hornjoserbšćinje. Bautzen, 2003.
- Janaš P. Niedersorbische Grammatik. Bautzen, 1976.
- Serbšćina / Red. H. Faska. Opole, 1998.
- Siatkowska E., Meškank T. O języku łužyczan prawie wszystko. Warszawa, 2001.
- Słownik hornjoserbsko-němski / Zest. B. Rewerk, K. Malinkowa, L. Kowarjowa. Budyšin, 1990.
- Sorbischer Sprachatlas – Serbski rěčny atlas / Red. H. Faßke, H. Jentsch, S. Michalk. Bautzen, 1965-1996. Bd. 1-16.
- Starosta M. Dolnoserbisko-nimski słownik – Niedersorbisch-deutsches Wörterbuch. Bautzen, 1999.
- Stone G. Das Obersorbische. Das Niedersorbische. // Einführung in die slavischen Sprachen. Darmstadt, 2003.
- Šewc-Schuster H. Gramatika hornjoserbskeje rěče. Fonologija fonetika a morfologija. 2., wobdźěl. nakład. Budyšin, 1984.
- Šewc H. Gramatika hornjoserbskeje rěče. Syntaksa. Budyšin, 1976.